

La russie tsariste et la question ukrainienne
par V. Levinsky

В. Левинскій

**Царская Россія
и украинскій вопросъ**

Женева

Изданіе украинскихъ с. д. рабочихъ Канады

1917

В. Левинскій

Царская Россія и украинскій вопросъ

Женева

Издание украинскихъ с. д. рабочихъ Канады

1917

Предисловіе.

Наша брошюра была написана еще во второй половинѣ 1916 г.

Приготовляя ее къ печати, мы руководствовались только однимъ, прійти на встрѣчу желаніямъ многихъ російскихъ соціалистовъ, которые часто всѣ недочеты въ отношеніяхъ великорусскаго общества къ украинству объясняли исключительно незнакомствомъ его съ украинскимъ вопросомъ. Въ силу этого обстояательства наша брошюра должна была имѣть по преимуществу інформаціонный характеръ. Таковою она и является, за исключеніемъ послѣдней главы, которую великорусскіе читатели могутъ пропустить.

Публикуя брошюру съ значительнымъ запозданіемъ, по причинамъ отъ насъ независящимъ, мы все таки полагаемъ, что она не утратила своего актуальнаго характера.

Съ позоромъ пала царская диктатура и дворянско-бюрократическій деспотизмъ — мы привѣтствуемъ отъ всей души этотъ переворотъ, — но въ то же время не забываемъ, что осталась російская имперія съ ея сто народами, въ которой у кормила правленія стоитъ великорусская буржуазія. Пали царско-бюрократическія цѣли съ этихъ народовъ, но зацвѣтеть ли дѣйствительно на развалинахъ стараго режима ихъ свободная жизнь? Обезпечить ли „Но-

вая Россія“ ихъ интересы матеріальной и моральной жизни?

Все это вопросы первостепенной важности, и мы не безъ тревоги ждемъ, какой отвѣтъ дастъ на нихъ „завтра“ обновленное російское государство.

Мы скептики, а нашъ скептицизмъ имѣетъ основаніе; онъ основывается на опытѣ прошлаго Россіи и на всемъ развитіи конституціонализма и демократіи въ Европѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что современный *coup d'Etat* въ Россіи есть только завершеніе того величайшаго историческаго переворота, который начался въ 1789 г. во Франціи Великою Революціей и на протяженіи XIX вѣка прошелъ по цѣлой Европѣ, неся всюду смерть прогнившимъ феодальнымъ порядкамъ.

Французская революція, подготовленная всѣмъ предыдущимъ культурнымъ процессомъ, дала „декларацию правъ человѣка и гражданина“ 1789 г. и конституцію 1791 г., ставшую позднѣе прототипомъ всѣхъ конституцій въ Европѣ, базирующихся на демократическомъ принципѣ. Бельгія, Испанія, Германія, Австро-Венгерія — если не вспоминать про другія національно-однородныя государства, брали ее за образецъ своихъ конституцій. Самостоятельнымъ почти путемъ шла только швейцарская республика, которая находилась болѣе подъ вліяніемъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Америки, чѣмъ французской идеи.

Самъ собою напрашивается вопросъ, какъ разрѣшалось французское революціонное правительство національный вопросъ?

„Декларациія правъ человѣка и гражданина“ начинается слѣдующими словами:

„Les hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits“.

А въ § 3. читаемъ: „Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation“.

О суверенитетѣ какого народа говоритъ „декларация“? Конечно, только французскаго.

Рѣчь члена „Комитета общественнаго Спасенія“, Барера, которую онъ произнесъ на одномъ изъ засѣданій Конвента, можетъ служить лучшимъ pendant къ этому мѣсту „декларации“.

„Граждане! — говорилъ онъ. Оставляйте гражданъ въ незнаніи національнаго языка (т. е. французскаго), — значитъ измѣнять родинѣ...“

„Языкъ свободнаго народа долженъ быть одинъ и общій для всѣхъ!“

Мы имѣемъ долгъ передъ нашими согражданами, мы обязаны для укрѣпленія республики сдѣлать такъ, чтобы на всей ея территоріи говорили языкомъ, на которомъ написана „декларация правъ человѣка“.

Конвентъ послѣдовалъ указаніямъ и совѣту Барера и рекомендовалъ Грэгюару выработать докладъ „о необходимости и способахъ уничтоженія всѣхъ народныхъ нарѣчій (patois) и распространенія французскаго языка“ и издалъ прокламацію (редактированную Грэгюаромъ), въ коей между прочимъ говорилось:

„Граждане! Вы имѣете счастье быть французами! Вы ненавидите федерализмъ политическій, отбросьте и федерализмъ языка! Языкъ долженъ быть одинъ, какъ сама республика.“

Великій борецъ за федеративную и демократическую республику свободныхъ и автономныхъ народовъ Россіи, покойный М. Драгомановъ, такъ характеризовалъ національную политику Великой Французской Революціи:

„Республиканцы — якобинцы, это виртуозы государственной централизаціи... Они выработали ло-

гическую и цѣльную систему, обоснованную якобы прогрессивными аргументами и *расширили только предшествующія стремленія французскихъ королей до „офранцузиванія окраинъ“*. Они отцы современнаго государственно-національнаго централизма, всякихъ германизаций, мадьяризаций, обрусеній и т. д.“ („Чудацькі думки про українську національну справу“).

Какъ проводила Франція на протяженіи XIX в. на практикѣ свою политику противъ провансальцевъ, басковъ и бретонцевъ — объ этомъ не мѣсто здѣсь писать.

А другіе государства?

Оставимъ въ сторонѣ Англію, гораздо раньше Франціи вступившую на путь конституціонныхъ и демократическихъ реформъ, въ которой ирландцамъ пришлось жить одной только мученической жизнью.

Но Испанія! — Не извѣстна ли судьба каталонцевъ?

Бельгія! — какихъ только притѣсненій не испытывали фламандцы?!

Германія! Сколько мукъ и національнаго горя пришлось вытерпѣть въ ней полякамъ (въ Познани), французамъ (въ Эльзасѣ), датчанамъ (въ Шлезвигѣ)?

Объ Австро-Венгріи не нужно даже вспоминать.

Событія, которыя происходятъ въ Россіи и коихъ мы являемся свидѣтелями, напоминаютъ намъ первые дни Великой Французской Революціи. Красное знамя революціи, подготовленной всѣми революціонными силами Россіи, которое развѣвается на зданіи Таврическаго дворца, говоритъ о великой побѣдѣ ея надъ царизмомъ.

Новая жизнь строится на руинахъ стараго.

Но Великороссы являются не только жирантами великой російской революціи, но и главными создателями „новой Россіи“. По крайней мѣрѣ въ

этомъ строительствѣ ихъ роль доминирующая, имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ.

Что-же скажутъ они народамъ „новой Россіи“? Какимъ путемъ пойдетъ она, французскимъ или швейцарскимъ?

Судить здѣсь объ этомъ — преждевременно.

Одно мы можемъ только съ увѣренностью сказать: *національная проблема выдвигается въ Россіи на первый планъ, а ея народы никогда не откажутся отъ своихъ правъ на полную, свободную жизнь.*

Какъ видитъ читатель, наша брошюра, которая затрагиваетъ основные вопросы одной изъ наиболее важныхъ національныхъ проблемъ Россіи, является во время.

Пусть будетъ она для великороссовъ предостереженіемъ, *куда не идти*, и пусть укрѣпитъ у украинцевъ вѣру въ ихъ собственныя силы и пробудитъ энергію въ ихъ борьбѣ за свободную и самостоятельную жизнь, въ этотъ великій историческій моментъ.

В. Л.

Женева

20-го (н. ст.) Марта 1917 г.

1. Историческая борьба Москвы и Польши за обладанье Украиной.

Обширныя, плодородныя и отъ природы необычайно богатая земля по обоимъ берегамъ Днѣпра и надъ Чернымъ моремъ, земля, — въ изображеніи лѣтописцевъ XVIII ст. — молокомъ и медомъ текущая, заселенная украинцами, издавна привлекали къ себѣ самые разнообразныя народы. Половцы, печенѣги, татары, литовцы, турки, поляки, москальи... Какія только орды не нападали на Украину, не проходили по ней огнемъ и мечомъ?

Географическое положеніе украинскихъ земель чрезвычайно способствовало этимъ набѣгамъ. Его очень хорошо характеризуютъ простыя слова распространенной на Украинѣ пѣсни, приписываемой то Хмѣльницкому, то Мазепѣ, обвѣянная глубокимъ, безграницнымъ трагизмомъ:

*Ой горе тій чайці, горе тій небозі,
Що вивела діток при битій дорозі...*

Тяжело и кроваво должна была расплачиваться Украина за свое положеніе — открытое, незащищенное, „при битій дорозі“. Въ борьбѣ съ набѣгами сосѣдей украинскій народъ окончательно утратилъ свою государственно-политическую независимость (кіевское государство IX — XIII вв., галицко-волынское государство XIII и XIV ст., украинская казацкая республика подъ протекторатомъ Москвы 1654-1734).

Польша и Москва были послѣдними претендентами на Украину, соперничество изъ-за которой тянется между ними на протяженіи цѣлыхъ столѣтій.

Въ XVI и первой половинѣ XVII в. перевѣсъ на востокѣ вообще и въ борьбѣ съ Москвою въ частности имѣла Польша. Этимъ обязана она исключительно тому обстоятельству, что въ ея рукахъ находилась тогда не только вся Украина, но и земли литовско-бѣлорусскія. Польша была въ то время настолько сильной, что самымъ серьезнымъ образомъ могла угрожать Москвѣ. Въ 1609-1618 гг., когда послѣ смерти послѣдняго Рюриковича Польша оказалась претендентомъ на московскій престолъ, на Кремлѣ развѣваются польскія знамена. Но уже Андрусовскій договоръ, по которому оба государства подѣлили между собой Украину — (Москва получила лѣвобережную Украину съ Кіевомъ, а Польша удержала за собой правобережную) — давалъ перевѣсъ Москвѣ. Наконецъ, въ 1772 г. борьба между ними изъ-за Украины была окончательно рѣшена въ пользу московскаго государства. Польша исчезла съ карты Европы. Вся коренная Украина (за исключеньемъ галицкихъ, буковинскихъ и венгерскихъ земель) перешла по наслѣдству отъ Польши къ Москвѣ. Тогда, на востокѣ Европы на мѣстѣ „Москвы“ — полуазіатскаго деспотическаго государства, — появилась Россія, могучая имперія московскаго (великорусскаго) народа, ставшая, по словамъ Маркса, „деспотомъ Европы“.

Характерно, что теперь, во время войны, поставившей украинскій вопросъ передъ судомъ Европы, россійскіе имперіалисты и польскіе шовинисты, идеологи „исторической Польши“ одновременно вспомнили ту роль, какую сыграла Украина въ развитіи старой Польши и современной Россіи и — что особенно важно — оцѣнили эту роль объективно и правильно.

Когда въ рукахъ царскихъ войскъ оказалась вся Галичина вплоть до Кракова, въ идейномъ органѣ рос-

сійскихъ имперіалистовъ „Русская Мысль“ появилась интересная статья Петра Савицкаго „Борьба за имперію“. Въ ней авторъ, развивая широко свои взгляды на имперіализмъ вообще и россійскій въ частности, посвящаетъ роли Украины въ жизни россійской имперіи слѣдующія строки:

„Основное имперіализующее ядро русской имперіи, великое русское національное единство создано слияніемъ Москвы и Украины. Между великороссами и малороссами существуетъ несомнѣнно большое племенное родство, но, благодаря историческихъ судьбамъ XIII—XVII вв. они образовали собою въ XVII в. двѣ обособленныхъ „перво—націи“. Московская выработала крѣпкую и сильную государственность, но окаменѣвъ въ рамкахъ своего сословнаго разслоенія, она не имѣла живой дѣйственной культуры. Украина, сохранившая въ себѣ даже въ тяжелые моменты „панскаго“ засилія демократической духъ, подверженная вліянію Запада черезъ Польшу и въ то же время не забывшая завѣтовъ византійской цивилизациі — Украина обладала духомъ сильной и живой культурности. Московія была способна стать творцомъ „имперіи“ только воспринявъ отъ Украины этотъ духъ живой культуры. Зато Украина не имѣла государственности. Накопившіеся за протекшіе вѣка начатки украинской государственности ушли изъ нея; литовско-русская аристократія, которая могла стать вождемъ въ образованіи крѣпкаго укр. государства, растворилась въ полонизмъ. Вообще, Польша, предупреждая во времени попытки Москвѣи, весь XVI и XVII вѣкъ стремилась къ инкорпорациі Украины.

Украина открывала пути къ Черному морю и на Востокъ. Украинскій народъ, войдя въ Московію или Польшу, могъ дать той или другой — достаточное могущество для созданія имперіи. Вопросъ „Великая Россія“ или „Великая Польша“ рѣшался тѣмъ,

кому удастся достичь слиянія съ Украиной; рѣшался въ XVI вѣкѣ и главнымъ образомъ въ первыя 75 лѣтъ XVII вѣка...

Украинцы были достаточно сильной и достаточно культурной народностью, чтобы объединеніе, основанное на политическомъ подчиненіи, безъ равноправія и на прямомъ приобщеніи къ „имперіализующей“ культурѣ, по отношенію къ нимъ стало невозможнымъ. Вопросъ „Великая Россія“ или „Великая Польша“ былъ рѣшенъ тѣмъ, что въ Польшѣ не оказалось власти, которая сознала бы законы имперіалистической политики и въ то же время была бы достаточно сильна, чтобы провести ихъ въ жизнь; въ Польшѣ не было власти, которая, преодолевъ узко-польскую сущность, могло повести государство къ сущности сверхпольской. Въ Москвѣ же московскіе цари (Алексѣй, Ѳеодоръ и Петръ) оказались сильнѣе самой Москвы въ ея сословно-общественномъ укладѣ и въ преодолѣніи узко-московской сущности, преодолѣніи, нашедшемъ себѣ окончательное выраженіе въ петербургскомъ строю вещей, создали слияніе Москвы и Украины“.*)

Выше приведенныя слова въ устахъ великоросса, да еще російскаго имперіалиста, не только рѣдкость, но и исключенье. Какъ видимъ, авторъ объективно и вѣрно оцѣниваетъ роль Украины въ развитіи Россіи, и, — что особенно важно, — вопреки господствующимъ среди великорусскаго общества взглядамъ на украинцевъ, за которыми не признавалось и не признается еще и до сихъ поръ самостоятельной народности, онъ видитъ въ нихъ въ моментъ формировація уніи между Украиной и Москвою, т. е. въ XVII ст. „сильную и культурную отдѣльную народ-

*) Петръ Савицкій: „Борьба за имперію“, Русская Мысль. 1915, II ст. 68-69.

ность“. Такое откровенное признанье могъ продиктовать россійскому имперіалисту фактъ завладѣнія Россіей австрійской и венгерской Украиной и увѣренность, что силою этого факта украинцы осужденные на полную денаціонализацию (ассимиляцию съ великороссами).

А 1½ года спустя, когда вслѣдствіе удачнаго австро-нѣмецкаго наступленія, россійскія войска должны были отступить изъ Галичины, когда въ рукахъ побѣдоносной арміи центральныхъ державъ оказалась вся Польша, Литва, значительная часть Бѣлоруссіи, когда польскіе легіоны встали надъ Бугомъ и въ Волыни, а украинская Холмщина отдана была Австрією на безпощадную полонизацию, на польскомъ книжномъ рынкѣ появилось интересное изслѣдованье польскаго идеолога „Исторической Польши“ — „Сущность польско-россійской борьбы“ *), изслѣдованье, которое не могло не обратить на себя вниманія и со стороны украинцевъ.

Авторъ задается вопросомъ: что было сущностью исторической борьбы между Польшею и Россією? И отвѣчая на него, онъ говоритъ: Съ XVI по XIX ст. Польша ведетъ съ Москвою 16 великихъ войнъ. На протяженіи пяти столѣтій терминъ „wojna moskiewska“ не сходитъ со страницъ польской исторіи. Всякій „вѣчный миръ“, который Польша заключала съ Москвою, оказывался непрочнымъ, всякая попытка сближенья и примиренья интересовъ Польши и Россіи послѣ упадка первой, терпитъ крахъ и не приводитъ ни къ чему. „Море крови. Море ненависти!“ — съ паѳосомъ восклицаетъ авторъ.

Отвѣтъ, удачно обоснованный, который онъ даетъ на поставленный выше вопросъ разбиваетъ обычно

*) Antoni Choloniewski: Jstota walki polsko-rosyjskiej. Krakow. 1916.

господствующій среди поляковъ взглядъ на сущность польско-россійскаго антагонизма, причиной котораго является будто бы противоположность культуръ (культура Москвы шла съ Востока, изъ Византіи; Польши съ Запада, изъ Рима). Авторъ не безъ основанія доказываетъ, что „какъ однородность культуръ не создаетъ гарантіи идилліи между народами, такъ и разнородность ихъ не исключаетъ общихъ стремленій.“ На основѣ цѣлаго ряда фактовъ, которые не имѣемъ здѣсь возможности приводить, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Характеръ историческаго антагонизма между Польшею и Россіи опредѣленно политической, его основа — реальная противоположность интересовъ. *Это борьба за расширеніе государственной территоріи, кратко: за Украину и Литву*“.

О роли украинцевъ и бѣлоруссовъ въ этомъ антагонизмѣ онъ пишетъ такъ:

„Надъ пассивною по преимуществу массою малорусскаго и бѣлорусскаго народа и тою же массою, выявлявшею нѣкоторые переходные оттѣнки, стояли двѣ опредѣлившіяся и активныя народныя индивидуальности, жившія съ нею по сосѣдству на востокѣ и западѣ, московская и польская. Ихъ превосходство было настолько сильно, что порывы даже наиболѣе индивидуалистической части этой массы, украинскіе порывы къ самостоятельности, кончались всегда тѣмъ, что она бросала себя въ объятія то Польши то Москвы. Когда между народомъ московскимъ и народомъ польскимъ, между Вавелемъ и Кремлемъ, наряду съ пустыней, иногда дословной, пустынью степной, простиравшейся далеко по „дикимъ полямъ“ воцарилась пустыня политическая, когда между двухъ государственныхъ народовъ оказались народы (ludy), не способные къ государственному творчеству, осужденные такимъ образомъ заранѣе играть подчинен-

ную роль, должна была передъ обоими этими народами, раньше или позже открыться перспектива соперничества и борьбы за обладанье „спорными“ землями“.

Относительно же результатовъ этого соперничества авторъ дѣлаетъ такія цѣнныя признанія:

„Еще за долго до того, когда Карамзинъ написалъ свою „Исторію Россіи“, а Иловайскіе втолковывали ея главные символы вѣры въ мозги также и милліоновъ инородцевъ, въ сознаніи московскаго царства уже живетъ въ общихъ чертахъ начерченное представленіе о „Триединой Руси“: Великой, Малой и Бѣлой, протестующее противъ самостоятельности бѣлоруссовъ и украинцевъ, втягивающее ихъ въ кругъ російской семьи, какъ провинціальныя видоизмѣненія російскаго типа.

Все это были козыри въ большомъ масштабѣ. Ими играла противъ насъ Москва систематически въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ по отношенію къ западнымъ украинскимъ землямъ. Что могли мы имъ противопоставить? Разъ церковное объединеніе оказалось невозможнымъ, мы могли поднять колонизацію, которая бы шла глубоко, до самыхъ корней; которая бы черезъ посредство густо и съ опредѣленной цѣлью разбросанныхъ польскихъ колоній навсегда крѣпко спаяла бы эти области не только съ государственнымъ, но и съ народнымъ нашимъ организмомъ, подобно тому, какъ нѣмецкій народъ спаялъ собою славянскія и прусскія области. Но ассимиляція не шла въ глубь и хотя можетъ быть отмѣчена многими цѣнными проявленіями, измѣнить характера края не сумѣла. Польша обороняла владѣнныя этими землями блескомъ богато и свободно развитыхъ формъ своей жизни. Россія шествуетъ по нимъ силою государственной организаціи. Эта соперническая игра, тянувшаяся вплоть до раздѣловъ Рѣчи

Посполитой, а въ измѣненномъ видѣ и послѣ нихъ, игра, въ которой мы не устояли передъ лицомъ тяжелой задачи, составляетъ сущность польско-россійскаго антагонизма. Это было состязанье *двухъ государственныхъ экспансій*, двухъ силъ, перекрещивающихся между собою въ борьбѣ за власть на одномъ и томъ же полѣ дѣйствія. Конфликты культурнаго характера выступали иногда на этой почвѣ какъ явленія вторичныя“.

На этомъ мѣстѣ мы спокойно можемъ отложить въ сторону интересную книжку г. Холоневского.

Сравнивая взгляды россійскаго имперіалиста и польскаго шовиниста на роль Украины въ польско-россійскомъ антагонизмѣ, мы видимъ, что тотъ и другой, совершенно независимо другъ отъ друга, оцѣниваютъ эту роль въ основномъ вѣрно и одинаково.

Да, дѣйствительно, — на протяженіи цѣлыхъ столѣтій шла упорная, кровавая борьба между Польшею и Москвою за господство надъ Украиной (Бѣлою Русью и Литвою). Цѣлью обоихъ соперниковъ было одно и то же: денационализація Украины въ пользу польскаго или московскаго завоевателя.

Какъ извѣстно, Польша не только вышла изъ этого соревонованія побѣжденною, но и за поставленную себѣ историческую роль — органически объединить Украину и Польшу, путемъ колонизаціи и полонизаціи — она поплатилась собственнымъ своимъ существованьемъ: бунты и войны Украины съ Польшею въ XVII и XVIII ст. были причиною ея упадка, даже согласно самымъ осторожнымъ польскимъ историкамъ. Поляки, такимъ образомъ своей цѣли не достигли. Не достигли они, нужно прибавить, этой цѣли и по отношенію къ той части украинскаго народа, которая въ 1772 г. подпала подъ владычество Австріи. Всѣ методы галицкой Польши, испробованные на протяженіи XIX в. и не оставленные и понынѣ, цѣлью

которыхъ была колонизація и полонизація украинскихъ массъ въ Галичинѣ, оказались въ концѣ концовъ безуспѣшными. Не удалось старой Польшѣ вызвать къ жизни мечтой взлелѣянный и такъ идеализированный ею типъ „gente Ruthenus, natione Polonus“ (по племени Русинъ (Украинець), по народности Полякъ), не удалось это и галицкой Польшѣ, по наслѣдству отъ старой продолжавшей ея политику по настоящее время.

Но отказались ли Поляки передъ лицомъ этого очевиднаго факта отъ господства надъ Украиной. Оставили ли они свою прежнюю политику по отношенію къ украинскому народу?

Нѣтъ, не отказались и не оставили! Не найдется теперь въ польскомъ обществѣ ни одного занимающаго отвѣтственный постъ поляка, начиная отъ консерватора до социалиста, который не хотѣлъ бы возсозданія Польши на счетъ Украины, возсозданія Польши „od morza do morza“. Тѣмъ хуже для нихъ!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ результатѣ мировой войны возникнетъ „независимая Польша“. Какова бы и въ какихъ границахъ ни была эта „независимость“, одно несомнѣнно: польская политика въ украинскомъ вопросѣ будетъ искать себѣ такихъ путей, которыя бы вѣрнѣе и успѣшнѣе могли привести Поляковъ къ достиженію желанной цѣли, поставленной ими по отношенію къ Украинѣ. Для насъ важно лишь отмѣтить это. Разбираться же въ вопросѣ, какой передъ лицомъ этой политики, должна быть тактика украинскаго народа, не можемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей работы.

Инымъ вышелъ изъ соперничества изъ-за Украины російскій претендентъ. Прошло 250 лѣтъ, какъ всталъ онъ на украинской землѣ твердой ногой. Россія, побѣдивъ и уничтоживъ Польшу, стала всемогущимъ хозяиномъ Украины. И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что

въ результатѣ міровой войны она расширить свое господство и на австрійскую Украину. Россія достигла той цѣли, какой не удалось достичь Польшѣ.

Но удалось ли ей то, что рѣшительно не удалось всей польской политикѣ на протяженіи столѣтій, а именно поглотить украинскую національность, денационализировать, сруссифицировать Украину?

2. Украинская народность въ рамкахъ російской государственности.

Само существованье украинской народности, болѣе того,—одна мысль о томъ, что эта народность можетъ существовать, постоянно тревожила мирный, сладкій сонъ государства великороссовъ. Черезъ всю политику російскаго правительства по отношенію къ Украинѣ и украинскому народу, съ давнихъ временъ по настоящіе дни, красной нитью проходитъ одно: задушить Украину, уничтожить украинскую народность!

Вотъ нѣсколько моментовъ изъ исторіи этой политики.

Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, какъ гетманъ Хмельницкій, разбивъ оковы „польской неволи“, вошелъ въ „союзъ и протекцію царя восточнаго“ (1654), какъ Москва начала распорядиться на Украинѣ, гдѣ населенье всегда считало себя вольнымъ, какъ у себя дома. Вслѣдствіе чего образовалась въ ней сильныя партіи, предпочитавшія имѣть дѣло съ Польшею, даже Турціей, чѣмъ терпѣть самовластье православной Москвы. Слѣдующими словами характеризуетъ современникъ, сербъ Крыжанычъ царившее тогда на Украинѣ недовольство Мос-

квою: Я нашель — пишеть онъ — среди украинцевъ распространенною „политическую ересь, что жить подъ православнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы*).

Повѣренный царя Петра Великаго, Ѡ. Салтыковъ, слѣдующимъ образомъ совѣтоваль ему поступить съ Украйною послѣ разгрома Мазепы подъ Полтавою (1709): На его взглядъ, Украйна, переходя въ руки Москвы, поставила все же извѣстныя условія и добилась значительной доли самостоятельности. Сущность ея состояла въ томъ, что они „заключили свои властныя правленія, судъ и своихъ природныхъ правителей быть у нихъ, какъ гетьману, полковникамъ и сотникамъ и прочихъ всякихъ чиновъ людемъ, какъ въ воинскихъ, такъ и гражданскихъ чинахъ, чтобы были у нихъ непременно изъ ихъ народа, а не изъ россійскихъ господъ и не изъ россійскаго народа“. Эту самостоятельность считаль Салтыковъ вредною для Москвы. Поэтому, по его мнѣнію, нужно уничтожить автономію Украйны и сдѣлать изъ нея россійскую провинцію. Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для проведенія ликвидаціи автономнаго строя Украйны и ея руссификаціи. Съ ихъ осуществленьемъ украинскій „народъ въ доброе и постоянное состояніе приведется и воплотится въ россійскій народъ“ **).

Царица Екатерина II писала въ инструкціи генераль-прокурору, князю Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся на основѣ конфирмованными имъ привилегіями: нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ весьма непри-

*) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, XI. 70-71.

**) В. Пичета: Ѡедоръ Салтыковъ, современникъ Петра, о политикѣ Россіи по отношенію къ Малороссіи. Украинская жизнь, 1915, № 8-9.

стойно бы было, однакожь и называть ихъ чужезранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу^{*)}.

Петръ Великій, Екатерина II и ихъ наслѣдники постепенно, но систематически, уничтожили всѣ автономныя права, на которыя присягаль во время Хмельницкаго царь Алексѣй Михайловичъ. Въ концѣ XVIII ст. Украина фигурируетъ въ исторіи Россіи, какъ рядъ „малороссійскихъ“ губерній россійскаго государства. Исчезла послѣдняя тѣнь украинской государственности, но остался ея организмъ, котораго физически не возможно было умертвить ни указами ни циркулярами: украинская народность.

О томъ, съ какими намѣреніями по отношенію къ ней носилось россійское правительство, даютъ намъ ясное представленіе царскіе указы, направленные противъ украинскаго языка и литературы.

Первый антиукраинскій царскій указъ 1720 г. требоваль, чтобъ въ книжкахъ, печатаемыхъ въ украинскихъ типографіяхъ, были уничтожены украинскія языковыя особенности, „дабы никакой розни и никакого нарѣчія не было“. Этотъ указъ показываетъ, что московское правительство уже тогда считалось съ существованьемъ двухъ литературныхъ языковъ, московскаго и украинскаго, какъ съ фактомъ и что въ особенностяхъ украинскаго литературнаго языка того времени видѣло оно препятствіе руссификаціи украинскаго населенія.

А дальнѣйшіе драконовскіе указы россійскаго правительства противъ украинскаго языка и литера-

*) Соловьевъ XXVI, 39.

туры—указъ министра графа Валуева отъ 1863 г., произнесшій приговоръ „не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого украинскаго языка“, позорный указъ 1876 г. такъ называемый „lex Jusephovicia“, которымъ запрещалось въ предѣлахъ россійской имперіи печатать по-украински книжки и газеты и ставить въ театрахъ украинскія пьесы, — имѣли только одну цѣль: не допустить, чтобы языкъ живого, 30 миллионнаго народа сталъ органомъ и средствомъ его національнаго сознанія, культурнаго развитія и самостоятельности.

Наконецъ, чтобы у украинцевъ не могло быть никакого сомнѣнія относительно политики россійскаго правительства въ украинскомъ вопросѣ, оно рѣшается въ 1910 г. на официальное заявленіе, сдѣланное пок. Столыпинымъ, заявленіе, которое можно считать *profession de foi* россійскаго правительства въ украинскомъ вопросѣ.

Вотъ его текстъ:

„Хотя непосредственной цѣлью общества „Украинская Хата“ (въ Москвѣ) выставляется матеріальная помощь, главными задачами его приходится считать прежде всего культурныя. Между тѣмъ подобная цѣль съ точки зрѣнія россійской государственности является крайне нежелательною, она противорѣчитъ также всѣмъ намѣреніямъ правительства по отношенію къ бывшей Украинѣ. Исходя изъ того положенія, что три вѣтви восточнаго славянства, велико—,бѣло—и малороссы, какъ по происхожденію, такъ и языку, должны составлять одно цѣлое, наше правительство постоянно, начиная съ XVII ст. боролось противъ движенія, извѣстнаго теперь подъ именемъ „украинскаго“ и воплотившаго въ себѣ идею возрожденія былой Украины и созданія Малороссіи на національно-территоріальной основѣ. Со времени добровольнаго присоединенія Украины къ

московскому государству, это движение, лишенное какой-бы то ни было прочной основы и исторического права, утратило свою силу, уступая мѣсто естественному объединенію родственныхъ и близкихъ другъ другу славянъ, находя поддержку лишь въ отдѣльныхъ, непримиримыхъ кругахъ украинскаго населенія. За послѣднее время снова стало пробуждаться сепаратистское движеніе, культивируемое главнымъ образомъ въ Австріи, въ Галиціи. Вліянію непримиримыхъ сепаратистовъ, живущихъ во Львовѣ, слѣдуетъ приписать попытки, датируемая съ 1905 г., къ основанію обществъ, которыя подъ покровомъ культурныхъ цѣлей—можетъ быть даже и безсознательно—работаютъ надъ возрожденіемъ украинскаго сепаратистскаго движенія (Просвіти, Громади и т. д.). Національныя и политическія стремленія въ украинскомъ движеніи сплетаются такъ тѣсно, что почти совершенно невозможно даже отличить ихъ одно отъ другого, но немислимо въ то же время отказаться отъ борьбы со всѣми этими стремленіями, по большей части искусственно вызванными. Находя такимъ образомъ, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, недопустимымъ основаніе общества „Украинская Хата“, ставящаго своей программой укрѣпленье сепаратизма, министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ принять къ свѣдѣнію основаніе этого общества, ибо оно поставило себѣ узко-національныя цѣли, угрожающія общественному порядку и безопасности“.

На вратахъ того страшнаго зданія, которое называется россійскимъ государствомъ, россійское правительство начертало украинскому народу:

Lasciate ogni speranza! Оставь всякую надежду!

Но существованіе и жизнь такого сложнаго коллективнаго живого организма, какимъ является народъ, не зависитъ отъ воли правительства. Правительство государства великороссовъ уже давно при-

говорило українскій народъ къ смерти, но онъ, несмотря на этотъ смертный приговоръ, помимо и вопреки волѣ этого правительства, все таки существуетъ, живетъ. Слѣдовательно, есть извѣстные законы, обуславливающіе существованье организмовъ, а значить и народовъ.

Народъ, какъ извѣстный типъ, подлежитъ тому же самому принципу продолженія своего существованія (континуаціи), и принципу измѣняемости (трансформаціи), какъ и всякій другой организмъ. Борьба за существованье, за самосохраненье, обуславливается отчасти наслѣдственностью, отчасти приспособленьемъ къ условіямъ среды. Этимъ законамъ подлежатъ не только физиологическія, но и наиболѣе развитыя высшія духовныя функціи, какъ напр. языкъ у человѣка. Если, благодаря наслѣдственности на протяженіи цѣлаго длиннаго ряда поколѣній видъ неизмѣнно сохраняетъ себя, то, съ другой стороны, приспособляясь, онъ подлежитъ измѣненіямъ.

Такимъ образомъ сущность народа динамической природы. Народъ, это—продуктъ исторически — социальный.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на эволюціи украинской народности въ періодъ, предшествующій присоединенію Украйны къ Москвѣ. Читатель найдетъ ее въ монументальномъ трудѣ проф. М. Грушевскаго, въ его „Исторіи України-Руси“. Намъ важно лишь отмѣтить, что какъ разъ въ этотъ моментъ исторія застааетъ двѣ отдѣльныхъ народности, какъ фактъ завершенный, не только въ національно-политическомъ, но и этническомъ смыслѣ. Языкъ, культура, поэзія, традиціи и обычаи обоихъ народовъ, московскаго и украинскаго, отличали ихъ одинъ отъ другого. Что украинскія народныя массы, — не говоря уже о высшихъ слояхъ украинскаго народа, — тогда, въ XVII и XVIII ст. чувствовали себя

отдѣльнымъ народомъ, лучше всего показывають политическія пѣсни Украйны того времени, авторами которыхъ были невѣдомыя пѣвцы изъ народной массы.

Вотъ для примѣра двѣ изъ нихъ. Первая относится къ моменту разгрома старой Сѣчи (1709):

Ой, ішли наші славні запорожці та понад Богом рікою,

Ой, широкою та глибокою, та понад лиманами.

Ой, що наші славні запорожці та й у великому жалю,

Що не знали уклониться, а которому царюю.

Ой, уклонились тому Москалеви, а що ми його не знали;

Ой, кругом церкви, церкви січової, ой, да караули стали.

Ой, і пише Москаль та й до кошового: — „А ідіте до мене жити;

Ой, я дам землю та по прежньому, а по Дністер границу.—

— „Ой, і брешеш ти, вражий Москалю, а ти хочеш обманити,

Ой як підем ми й у твою землю, ти будеш лоби голити. —

— „Ой, що ви, хлопці, славні запорожці, а не бійте ся нічого; —

Ой, ще ж, бачиться, я у своїм царстві, а не зрадив нікого. —

— „Ой, що ваші пани, яритичні сини а не гаразд зробили,

Ой, що степ добрий, а ще край веселий тай занапали“.

Ой, і тече річка та бистренькая, та попідмивала кручі,

Ой заплакали славні запорожці а із Січі йдучи.

Ой, і летить бомба, тай од Москаля, та посеред
Січі впала,
Ой, хоть пропало славне Запорожя, так не про-
пала слава!*)

Другая пѣсня относится къ осадѣ Полтавы 1709 г.;
по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Драгомановъ, хотя
въ ней говорится про городъ Бѣлую Церковь:

Ой, хвалив ся та козак Швачка під Білу Церкву
йдучи:

— „Гей, будем, брате, та китайки драти та в
онучах топтати!“

Гей, казав эси, козак Бондаренко, а що сла-
вонька буде:

— „Гей, будемо, брате, то поли драти та пле-
чілатати“ —

Гей, на козаченьків, гей на молоденьких та при-
годонька стала:

Гей, що в середу та в вечері та усіх Москва по-
брала.

Ой, побрали та й попарували усіх по двадо ку-
почки.

Заглядають один на другого, як сизії голубочки.

Ой, побрали та й попарували, та й повели во-
зами:

— „Ой, оглянем ся на тую Україну, та й обіллэм
ся сльозами!“

Ой забрали та й попарували, як голубоньків у
парі:

Гей, засмутила ся уся Україна, та як сонечко в
хмарі**).

На вопросъ же, сохранилъ ли, и насколько, укра-
инскій народъ на протяженіи XIX ст. свою націо-

*) Політичні пісні українського народу XVIII-XIX ст.
зувагами Драгоманова. Часть I. Розд. I Genève, 1883 ст. 28-29.

***) Тамъ же. ст. 48.

нальную и этнографическую обособленность и антагонизмъ противъ великороссовъ, на этотъ вопросъ найдемъ отвѣтъ, если разберемъ, какую позицію въ новыхъ и съ каждымъ разомъ все больше тяжелыхъ условіяхъ російской государственности заняли отдѣльные соціальные слои его, если рассмотримъ ближе всѣ тѣ моменты и факторы, какіе способствуютъ руссификаціи на Украинѣ и какіе ей противодѣйствуютъ.

Года неволи не проходятъ безслѣдно.

Молоху московскаго ига украинскій народъ заплатилъ страшными жертвами. Непосредственнымъ результатомъ его было то, что высшіе слои его забыли украинскую народность и, примирившись съ російской государственностью, стали ея слугами. Былую украинскую казацкую старшину и украинскихъ славныхъ казаковъ русская государственность превратила въ „малороссійскихъ дворянъ.“ Стало почти соціальнымъ закономъ, что послѣ великихъ національныхъ катастрофъ, высшіе слои угнетеннаго народа, не успѣваго вполнѣ развернуть своей индивидуальности, обладая необычайной способностью быстро приспособливаться къ новымъ условіямъ въ борьбѣ за свое существованье, покидаютъ свой народъ и переходятъ къ господствующему. Подобный отливъ высшихъ слоевъ отъ народа въ украинской исторіи не новость. Украинскіе бояре литовской Руси принимаютъ польскую народность, когда литовская Русь подпала подъ власть Польши. Подобныхъ примѣровъ находимъ достаточно и въ исторіи другихъ угнетенныхъ народовъ. Но пребыванье въ московской неволѣ имѣло еще другое, не менѣе важное и не менѣе роковое послѣдствіе. Это вліяніе его на украинскія народныя массы. Быстро утратили онѣ совершенно украинское національно-политическое сознаніе, жившее еще въ XVII

и даже въ XVIII ст. Его мѣсто заняло вѣрноподданническое чувство къ російскому царю. Однако массы эти сохранили сознание своей этнографической обособленности отъ московскаго народа. И это тоже соціальный законъ, что народныя массы, и именно крестьянство, въ силу присущаго имъ консерватизма, проявляютъ значительное сопротивленіе по отношенію къ новымъ условіямъ, нивелирующимъ ихъ, какъ типъ, народность. Украинское крестьянство сохранило украинскую народность.

Эти общіе отрицательные результаты болѣе, чѣмъ 250 лѣтняго господства великороссовъ надъ украинцами, не могутъ настраивать оптимистически тѣхъ, кто борется за освобожденіе и полную самостоятельность украинскаго народа; скрытымъ же и явнымъ противникамъ самостоятельности украинскаго народа они дали поводъ или вовсе отрицать его существованіе, или сомнѣваться въ его жизнеспособности.

Постараемся присмотрѣться ближе къ этому спорному вопросу.

Противники самостоятельности нашего народа и тѣ, что безсознательно слѣдуютъ за ними, вѣря имъ на слово, отрицаютъ—вполнѣ естественно—и самостоятельность его языка. Украинскій языкъ это діалектъ великорусскаго! Слѣдовательно, на немъ не можетъ развиваться истинная литература, онъ не можетъ стать факторомъ культурнаго развитія и самостоятельности народа!

Нѣтъ сомнѣнія, что украинскій языкъ ближе великорусскому и бѣлорусскому, нежели всякій другой славянскій языкъ. Эта близость вытекаетъ изъ факта племенной общности прапредковъ этихъ трехъ народовъ (около тысячи лѣтъ тому назадъ). Несмотря на это, украинскій языкъ самостоятеленъ, какъ всякій другой славянскій языкъ. Онъ является таковымъ въ силу того факта, что праязыкъ русскаго племени-

(діалектическихъ особенностей, существовавшихъ въ немъ мы здѣсь не касаемся) — не смогъ удержаться: по мѣрѣ того, какъ разрушалась политическо-хозяйственная цѣльность старой Руси, и изъ политическаго организма, созданнаго десять вѣковъ тому назадъ въ ладожскомъ бассейнѣ и на верхней Окѣ славянско-русскими колонистами, смѣшавшимися постепенно съ различными финно-алтайскими и туранскими племенами, стала выростать Москва, по мѣрѣ того начали развиваться бокъ-о-бокъ и самостоятельно и языки трехъ народовъ: украинскаго, бѣлорусскаго и московскаго. *) Сравнительное языковѣдѣніе показало намъ, что многіе высоко развитыя языки различныхъ народовъ постепенно развивались изъ праязыковъ (Гумбольдъ, Боппъ, Шляйхеръ**), Штейнталь и др.) Тоже самое нужно сказать про историческое развитіе трехъ выше указанныхъ языковъ. ***)

*) Съ точки зрѣнія антропологической, украинцы и великороссы — два разныхъ типа, это обнаружили антропометрическія измѣренія и изслѣдованія. Украинцы ближе къ западнымъ славянамъ и наряду съ сербами представляютъ изъ себя наиболѣе чистую славянскую расу. См. объ этомъ солидный трудъ проф. Волкова «Антропологическія особенности украинскаго народа» во II т. изданія „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ.“ Подъ редакціей проф. Э. К. Волкова, проф. М. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, академика Э. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Птр. 1916 г.

**) См. August Schleicher. Die darvinistische Theorie und die Sprachwissenschaft. Weimar, 1865.

***) Наша брошюра была написана, когда мы могли познакомиться съ трудомъ извѣстнаго русскаго и славянскаго филолога и лингвиста, академика Шахматова „Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ (Птр. 1915. Стр. L. + 368), вышедшій какъ новый томъ „Энциклопедіи славянской филологіи“, издаваемой отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Ака-

Однако, моментомъ, рѣшающимъ для признанія самостоятельности этихъ языковъ, какъ органовъ національно-культурной самостоятельности соответству-

деміи Наукъ подъ редакціею проф. акад. И. В. Ягича. Насъ особенно интересуетъ „Введение“ этого труда, гдѣ авторъ, сопоставляя результаты анализа лингвистическихъ данныхъ съ историческимъ матеріаломъ, устанавливаетъ пути и намѣчаетъ хронологію расселенія славянскихъ племенъ а затѣмъ русскаго племени, съ котораго образовались отдѣльныя народности. Онъ устанавливаетъ, что уже въ первой четверти VI в. ослѣло въ Поднѣстровью и Поднѣпровью восточно-славянское племя „Анты“ которое и было прародиной русскаго племени. Этотъ взглядъ расходится съ взглядомъ проф. Грушевскаго, который видитъ въ Антахъ ту вѣтвь восточно-славянскихъ племенъ, изъ которой непосредственно развилась украинская народность, какъ по Шахматову, древніе Анты составляли начальную стадію образованія русскаго племени вообще. Въ IX в. русское племя распалось на три племенные группы: южную, сѣверную и восточную, каждая изъ которыхъ жила въ особыхъ экономическихъ условіяхъ и тяготѣла къ особому культурному міру. Южную группу составляли поляне, древяне, дреговичи, дулѣбы или бужане, уличи, тиверцы, сѣверяне; къ сѣверной группѣ относятся словѣне, кривичи и полочане; восточную составили вятичи, передвинувшіеся въ концѣ X в. или въ XI в. изъ сѣвернаго Подонья въ бассейнъ Оки. Изъ сліянія племенъ первой группы образовалась украинская народность. Въ концѣ X в. по разрушеніи хазарскаго царства, восточно-русская вѣтвь (вятичи), ослѣвшая въ бассейнѣ Дона, тревожимая набѣгами кочевниковъ, двинулась частью на сѣверъ къ Рязани, частью на сѣверо-западъ, къ сѣверному Подесенью и Поднѣпровью. Въ теченіе XI в. средняя Россія получаетъ сплоченное населеніе изъ сѣверно-русовъ, продвинувшихся съ верхняго Поволожья къ Окѣ, и восточно-русовъ, подходившихъ къ Окѣ съ юга и юговостока. Сліяніе обоихъ этихъ племенъ образовало великорусскую народность. Изъ сліянія другой части вятичей на сѣверо-западѣ съ мѣстнымъ населеніемъ представляемымъ соединеніе южно-рускихъ элементовъ съ ляхскими, образовалась народность бѣлорусская. Такая схема языковой и національной эволюціи акад. Шахматова.

ющихъ народовъ, было то обстоятельство, что съ концомъ уже XVIII ст. живой народный языкъ и у великороссовъ и у украинцевъ, а въ XIX ст. точно такъ же и у бѣлороссовъ, дѣлается языкомъ литературнымъ этихъ народовъ. Съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ это дѣлается теперь противниками самостоятельности украинскаго народа, можно было бы оспаривать существованье особой украинской народности напр. во времена Хмельницкаго и именно на томъ основаніи, что литературные языки великороссовъ и украинцевъ, не совпадавшіе въ X—XVIII вв. съ языками народными, обнаруживали гораздо меньше различій, чѣмъ ихъ современные литературные языки. Съ концомъ XVIII ст. народный московскій (великорусскій) языкъ вытѣсняетъ изъ великорусской литературы смѣсь церковно-славянскаго и московскаго народнаго языка. Преобладанье мертваго церковно-славянскаго языка надъ народнымъ въ обоихъ литературахъ, дѣлало ихъ настолько похожими, что можно было бы даже считать ихъ за одинъ общій языкъ. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ никто не осмѣлился высказать мысли, что языкъ украинскаго народа хотя бы начала XVII ст. былъ діалектомъ московскаго языка. Это было бы, конечно, абсурдомъ. То обстоятельство, что въ основу современнаго литературнаго языка великороссовъ вошли діалекты лишь народнаго московскаго а не украинскаго языка дѣлаетъ этотъ языкъ чужимъ и непонятнымъ для украинца. И наоборотъ. Тотъ фактъ, что въ основу современнаго литературнаго языка украинцевъ вошли діалекты*) ихъ народнаго языка, дѣлаютъ этотъ языкъ

*) Въ украинскомъ языкѣ существуютъ 4 діалекта, имѣющіе свои особые говоры (поддіалекты): 1) южно-украинскій діалектъ съ 3-мя говорами (сѣверный укр., среднеукраинскій и степной говоръ, 2) сѣверо-украинскій или полесскій діалектъ съ 4 говорами, 3) червонорусскій діалектъ

чужимъ и непонятнымъ для великоросса. Петербургская Академія Наукъ, официально признавшая украинскій языкъ за самостоятельный, совершенно справедливо указываетъ, что московскій литературный языкъ никакъ нельзя считать „общерусскимъ“, т. е. общимъ языкомъ литературы великоруссовъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ*). Изслѣдованія же въ области украинскаго языка и діалектологіи (работы Огоновскаго, Житецкаго, Михальчука, Науменка, Крымскаго, Верхратскаго, Стоцкаго и др.) исключаютъ всякую аналогію между украинскимъ и московскимъ языками съ одной стороны и такъ наз. „plattdeutsch“ или „switzerdeutsch“ съ „neuhochdeutsch“, т. е. двухъ южно-нѣмецкихъ діалектовъ съ сѣвернымъ, взятымъ въ основу литературнаго языка нѣмцевъ. Явные и замаскированные противники самостоятельности украинскаго народа, а среди нихъ и многіе социалдемократы, указывающіе украинцамъ на примѣръ швейцарскаго нѣмецкаго діалекта, не ставшаго литературнымъ языкомъ швейцарскихъ нѣмцевъ и не выдѣлившаго ихъ въ отдѣльную отъ нѣмцевъ народность (устно обращалъ на это наше вниманіе рос. с.-д. Аксельродъ, за нимъ, если не ошибаемся, повторилъ этотъ аргументъ Каутскій въ своемъ антиукраинскомъ выступленіи), должны изъ Швейцаріи перенестись въ украинскую Галичину, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей абсурдности ихъ утвержденія. Еслибъ дѣйствительно украинскій языкъ былъ діалектомъ великорусскаго, то галицкіе и буковинскіе украинцы, не

съ 2 говорами (подольско-волинскій и говоръ равнинъ Днѣстра), 4) горный или карпатскій діалектъ съ 3 говорами (чистоукраинскій гуцуловъ и бойковъ, смѣшанный лемковъ въ западной Галичинѣ и словацко-украинскій въ сѣверной Венгріи).

*) Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. СПб. 1905 г. ст. 15.

имѣвшіе счастья быть подь „опекою“ Россіи, подобно нѣмцамъ, должны были бы взять въ основу литературнаго языка не свой „діалектъ“ (украинскій), а развитой великорусскій литературный языкъ. Мало того. Всѣ усилія великорусскихъ литературныхъ и политическихъ агентовъ, окружавшихъ съ 50-хъ гг. мин. ст. галицкихъ украинцевъ особымъ вниманьемъ (отъ Погодина до самаго послѣдняго времени) навязать имъ великорусскій языкъ и литературу, какъ ихъ собственные, кончались полнымъ фіаско. Такъ называемая „москофильская“ литература, недавшая начиная съ 50-хъ гг. и по нынѣ ни одной литературной силы хотя бы средней величины, писанная странною смѣсью церковно-славянскаго, украинскаго и великорусскаго языковъ, по своему содержанію и духу не можетъ считаться даже частью великорусской литературы, а лишь мѣтло-рожденнымъ и искусственно выращеннымъ отвлѣтленьемъ литературы галицко-украинской. Этотъ примѣръ какъ нельзя лучше разбиваетъ построенія Аксельрода, Каутскаго и пр. Исслѣдованія въ области украинскаго языка обнаружили также, что онъ по своему синтаксису, фонетикѣ, морфологіи и семасіологіи (различія въ значеніи словъ) занимаетъ въ семьѣ славянскихъ языковъ совершенно самостоятельное мѣсто, отличающее его сильно и опредѣленно какъ отъ польскаго, такъ и великорусскаго. А тотъ фактъ, что на этомъ языкѣ, въ условіяхъ наиболѣе тяжелыхъ и неблагопріятныхъ возникла и развивается богатая литература, занимающая въ ряду славянскихъ литературъ третье мѣсто (Квитка, Шевченко, Кулишъ, Марко Вовчокъ, Мирный, Старицкій, Федьковичъ, Франко, Коцюбинскій, Леся Украинка, Стефаникъ, Мартовичъ, Бордулякъ, Кобылянская, Винниченко, Олесь, Вороный, Чупринка, Старицкая, Филянскій, Черкасенко, Лепкій, Яцкивъ могли бы быть дѣйствительными литературными име-

нами въ каждой литературѣ), что на немъ существуетъ и развивается молодая наука, что языкъ этотъ сталъ органомъ культуры всего народа, несмотря на политическія границы; этотъ фактъ разбиваетъ наголову противниковъ самостоятельности украинскаго народа, онъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу самостоятельности украинскаго языка и народа.

Но оставимъ въ сторонѣ языкъ филологіи и перейдемъ къ языку политической экономіи.

Россійскіе имперіалисты, а за ними и многіе великорусскіе социалисты, открыто и замаскированно высказываютъ взглядъ, что развитіе капитализма въ Россіи и въ частности на Украинѣ ведетъ къ ассимиляціи, т. е. къ денационализаціи украинскаго народа *).

Мы уже указывали на общіе результаты варварской руссификаторской политики самодержавія на Украинѣ. Наибольшія опустошенія произвела эта политика въ городахъ Украины. Наблюдая ихъ, особенно большіе города, иногда получаешь впечатлѣнье, что ядъ ассимиляціи пропиталъ насквозь, а то и уничтожилъ совершенно, крѣпкую толщу украинства. Если Вы напр. приѣдете въ Кіевъ, то въ центрѣ его услышите всякую рѣчь — великорусскую, польскую, еврейскую, нѣмецкую, — только не украинскую.

Подъ толстымъ слоемъ руссификаціи по большимъ городамъ Украины, нанесеннымъ сюда цѣлымъ аппаратомъ россійской государственности и великорусской культуры, Вамъ трудно иногда напасть на какой либо слѣдъ существованія въ нихъ кореннаго украинскаго населенія. А оно, конечно, есть вездѣ и повсюду. Если Вы пойдете на любой базаръ въ торговый день, или въ предмѣстья Кіева, Вы вездѣ услышите украинскую рѣчь, тоже, — правда, замѣтно

*) П. Струве. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. „Русская мысль“ 1912, I.

испорченную. Въ гораздо меньшей степени, — слѣды руссификаціи чувствуются въ менѣе крупныхъ городахъ Украйны. Деревня же сохранила вполнѣ свои этнографическую обособленность и характеръ, свой языкъ, обычаи, привычки, традиціи и культуру. Всѣ старанія руссификаторской политики Россіи разбились здѣсь словно о гранитныя скалы консерватизма и силы сопротивленія крестьянской массы.

Какія же тенденціи скрываетъ въ себѣ развитіе капитализма на Украйнѣ? Что касается крупнаго промышленнаго капитала на Украйнѣ, то нужно сказать, что великорусскій капиталъ играетъ здѣсь въ сравненіи съ иностраннымъ крупнымъ капиталомъ лишь очень незначительную роль. Конечно языкъ его великорусскій, хотя въ сношеніяхъ съ украинскимъ рабочимъ, пользуется онъ и его языкомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ капиталъ составляетъ въ настоящее время и будетъ составлять въ ближайшемъ будущемъ крѣпкую основу и разсадникъ руссификаціи на Украйнѣ.

Что же касается аграрнаго капитала, то крупная земельная собственность на правобережной Украйнѣ находится главнымъ образомъ въ польскихъ рукахъ; польскіе помѣщики пользуются въ сношеніяхъ съ рабочею силою и мѣстнымъ населеніемъ почти исключительно украинскимъ языкомъ. Крупная земельная собственность на лѣвобережной Украйнѣ принадлежитъ главнымъ образомъ руссифицированнымъ украинцамъ, т. е. малороссамъ, отчасти великороссамъ и лишь въ незначительной своей части сознательнымъ и полусознательнымъ украинцамъ, сочувствующимъ украинскому движенію.

Относительно же средняго и мелкаго капитала статистика 1897 г. насчитываетъ въ немъ лишь 8 на тысячу самостоятельныхъ единицъ, говорящихъ по-украински. Остальная его часть находится въ рукахъ малороссовъ, евреевъ, великороссовъ и др.

Всѣ выше приведенные факты говорятъ не въ пользу украинства. Значительныя перемены въ развитіи капитализма на Украинѣ возможны лишь по мѣрѣ роста украинскаго движенія, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ захватывать высшіе слои руссифицированнаго теперь украинства, по мѣрѣ развитія демократическихъ формъ на Украинѣ, наряду съ чѣмъ будетъ приобретать значеніе въ общественной и національно-политической жизни украинскій крестьянинъ и рабочій.

Однако, въ современномъ капиталистическомъ строѣ слово принадлежитъ не только представителю капитала, т. е. обладателю средствъ производства, заинтересованному въ сохраненіи этого строя, но и представителю труда, т. е. обладателю рабочей силы, заинтересованному въ уничтоженіи его. Такимъ образомъ въ развитіи капитализма на Украинѣ и рабочему ея также принадлежитъ слово.

Естественно, что въ развитіи молодого капитализма на Украинѣ деревня ея, какъ главный рынокъ рабочей силы играетъ доминирующую роль. А деревня эта украинская. По мѣрѣ развитія и роста промышленности на Украинѣ, растутъ и наплывъ крестьянъ въ городъ. Чтобы надлежащимъ образомъ понять тенденціи и слѣдствія этого закона, приведемъ нѣсколько цифръ относительно населенія Украины по официальнымъ статистическимъ даннымъ 1897 г., ибо болѣе позднихъ цифръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется.

Въ 1897 г. украинское населеніе тѣхъ губерній Украины, гдѣ украинцы составляютъ абсолютное большинство, равнялось 23.430.407. Процентъ его въ отдѣльныхъ украинскихъ губерніяхъ былъ такой:

Въ Волынской губ. 70% украинцевъ, въ Кіевской — 80%, Подольской — 81%; на правобережной Украинѣ въ цѣломъ — 77%.

Въ Полтавской губ. — 93%, въ Харьковской — 81%, въ Черниговской — 66%; на лѣвобережной Украинѣ въ цѣломъ 80%.

Въ Екатеринославской губ. — 69%, въ Херсонской — 53%, въ Таврической — 42%; въ общемъ, въ степной Украинѣ, конкурирующей теперь въ промышленномъ отношеніи съ наиболѣ развитыми районами Европейской Россіи, — 56% *).

Но развитіе капитализма на Украинѣ привлекаетъ и въ будущемъ должно привлекать рабочихъ и изъ — за предѣловъ Украины.

На 1.478.798 рабочихъ Украины въ 1897 г. 219.300 было пришлыхъ, неукраинскихъ, причемъ 103,471 изъ нихъ пришли изъ великорусскихъ губерній, а 40,530 изъ великорусско-украинскаго района (Курскъ, Воронежъ, Кубань, Донъ, Ставрополь); остальная часть пришлыхъ рабочихъ приходилась на долю другихъ районовъ Россіи (Бѣлоруссіи — 24.571, Польши — 17.748 Литва — 10.986 и т. д.).

Но точно также и среди территоріально украинскихъ рабочихъ есть значительный процентъ рабочихъ другихъ національностей, происхожденія колонизаціоннаго (поляки, евреи, великороссы). Поршъ считаетъ, что соотвѣтственно общему распредѣленію другихъ національностей на Украинѣ, количество всѣхъ неукраинскихъ рабочихъ въ выше указанныхъ украинскихъ губерніяхъ могло достигъ въ 1907 г. самое большее 28%. Иными словами — болѣе 70% всѣхъ рабочихъ на Украинѣ приходится на долю самихъ украинцевъ. Такимъ образомъ Украина обслуживается главнымъ образомъ своєю собственною рабочею

*) Цыфры заимствуемъ изъ солиднаго труда извѣстнаго украинскаго марксиста и изслѣдователя экономическихъ отношеній на Украинѣ, М. Порша „Робітництво України. Нариси по статистиці праці“. Київ, 1913.

силою, что является въ извѣстной мѣрѣ показателемъ національно-экономическаго единства Украйны.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что степная (промышленная) Украйна является главнымъ рынкомъ, привлекающимъ рабочую силу изъ аграрныхъ великорусскихъ губерній. Въ этомъ фактѣ можно было бы усмотрѣть извѣстную опасность для Украйны. Однако, она незначительна. Въ развитіи молодого капитализма во всѣхъ экономически отсталыхъ странахъ, въ которыхъ поработенный народъ составляетъ абсолютное большинство, деревня, какъ главный поставщикъ и резервуаръ рабочей силы, доминируетъ надъ городомъ. Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Богемія. Приходится, слѣдовательно, допустить, что по мѣрѣ роста капитализма на Украйнѣ все большее значеніе будетъ приобрѣтать украинскій рабочій классъ, получающій постоянные ресурсы изъ украинской деревни. И деревня, въ конечномъ счетѣ, при благоприятныхъ обще-политическихъ условіяхъ, опредѣлитъ національный характеръ городовъ Украйны и капитализма въ ней, въ его цѣломъ.

Если, кромѣ того, примемъ во вниманье, что ежегодный приростъ населенія Украйны составляетъ 2%, а Великороссіи лишь 1% (рѣдко 1½), то можно сказать, что эмиграція великорусскаго рабочаго въ промышленные районы Украйны будетъ падать и какъ разъ по мѣрѣ того, какъ украинская деревня все больше и больше будетъ подпадать вліянію процесса капиталистическаго разложенія, а промышленность въ сѣверной и центральной Россіи будетъ расти.

Наконецъ нельзя не остановиться еще на одномъ явленіи въ развитіи капитализма въ Россіи. Подобно тому, какъ промышленная, степная Украйна является рынкомъ рабочей силы для аграрныхъ губерній центральной Россіи, точно такъ же нѣкоторые районы

молодого и быстро развивающагося капитализма Рос-
сіи, являются однимъ изъ главныхъ рынковъ труда
для аграрной Украйны (лѣво — и право-бережной).
Таковы — вышеупомянутый нами великорусско-укра-
инскій районъ, т. е. смѣшанныя по составу населенія
губерніи къ востоку отъ Украйны, далѣ Кавказъ и
промышленные районы Сибири. Сильная украинская
колонизація этихъ районовъ, на которую уже обра-
щено вниманье, означаетъ расширенье украинской
этнографической территоріи.

Таковы факторы экономического характера, бла-
гопріятствующіе и противодѣйствующіе руссификаціи
Украйны. Чтобы они неминуемо вели къ денациона-
лизаціи ея — этого оказать не имѣемъ права. Подоб-
ное утвержденіе въ устахъ противниковъ самосто-
ятельности украинскаго народа — слишкомъ смѣло.
Ему противорѣчатъ факты и явленія, о которыхъ
мы говорили выше.

Но кромѣ насильственной руссификаціи, кромѣ
экономическихъ факторовъ, способствующихъ assi-
миляціонному процессу на Украйнѣ, существуютъ
факторы духовной природы, играющіе въ этомъ
процессѣ очень важную роль. Это — вліянія россійской
культуры.

Могуча сила всего аппарата насильственной рус-
сификаторской политики на Украйнѣ. Апостолами
этой „миссіи“ Россіи являются здѣсь цензоръ и чи-
новникъ, жандармъ и россійскій попъ. Да и фаб-
рика исполняетъ свою руссификаторскую роль. Она
не только физически выматываетъ украинскаго ра-
бочаго, — она калѣчитъ его и духовно, отнимая у
него языкъ, который онъ принесъ съ собой, какъ
родной, изъ — подъ кровли деревенской хаты. Но не
менѣе могущественно и вліяніе россійской, вѣрнѣе,
великорусской культуры на Украйнѣ. Словно черная
тѣнь, неотступно слѣдуетъ за россійскимъ кнутомъ

великорусская школа, книга, газета, театр и т. д., исполняя здѣсь „культурную миссію“ господствующей московской націи. Сильнѣе всего подпадаетъ подъ ея вліянье интеллигенція. Безъ школы, театра, книжки и газеты она обойтись не можетъ. А такъ какъ каждая культура переплавляетъ и по—своему шлифуетъ душу ея потребителя, то и въ „солнцѣ“ великорусской культуры переплавляется душа интеллигенціи городовъ Украйны. Кромѣ того, великорусская культура проникаетъ и пробирается повсюду—вѣдь у нея нигдѣ не спрашиваютъ паспорта—а потому вліянію ея подпадаютъ всѣ слои украинскаго народа. Не нужно же здѣсь спеціально напоминать о томъ, какъ, подъ вліяньемъ великорусской школы, понижается умственный уровень украинскаго крестьянина и рабочаго.

Но на борьбу со всѣми факторами руссификаціи на Украйнѣ и особенно съ наиболѣе опаснымъ, — великорусской культурой, встаетъ историческій процессъ, извѣстный подъ именемъ „національнаго возрожденья“ поработеннаго народа. Онъ тѣсно связанъ съ развитіемъ капитализма, благодаря которому растетъ недовольство, и демократизмомъ, поднимающимъ сознаніе и вѣру въ собственныя силы. Капитализмъ, разлагая деревню, создаетъ среди угнетенной націи современные классы, заинтересованные въ полномъ развитіи своей національной жизни. Въ первой стадіи ея, носителемъ національной жизни является, обыкновенно, городская интеллигенція, осознавшая свои задачи по отношенію къ народу, изъ котораго вышла. Она становится творцомъ національной культуры и литературы, она зоветъ угнетенныя массы народа сбросить цѣпи социальнаго и національнаго рабства, призываетъ къ борьбѣ за свое освобожденье. Украинскій народъ переживаетъ въ предѣлахъ россійской имперіи собственно именно

эту первую стадію своего національнаго возрожденія. Уже видны первые проблески его. Уже пробуждается городъ и деревня Украйны. Когда народныя массы проснутся вполнѣ отъ вѣкового сна россійской неволи, пробьетъ часъ его воскресенія. Национальное возрожденіе украинскаго народа является угрозой всему россійско-государственному и искусственно-великорусскому бытію на Украйнѣ. Кто видѣлъ величественную шевченковскую демонстрацію въ январѣ 1914 г. на улицахъ Кіева, первую массовую національную демонстрацію, организованную украинскимъ студенчествомъ и рабочими, въ которой принимало участіе до 20.000 человекъ, тотъ могъ убѣдиться, что украинское національное возрожденіе уже пустило свои глубокіе корни и что потенциальныя силы его весьма значительны. Национальное возрожденіе на высшей ступени своего развитія становится не только препятствіемъ для дальнѣйшей ассимиляціи, но и факторомъ реассимиляціи. Отдѣльныя единицы и цѣлыя соціальныя группы, ушедшія отъ народа на службу кумирамъ господствующей націи, снова возвращаются къ нему. Всякія дальнѣйшія преслѣдованія вызываютъ озлобленіе среди всѣхъ классовъ порабоженнаго народа. А ненависть не можетъ способствовать ассимиляціи. Не случайно, что за послѣднее время украинскій рабочій классъ наряду съ украинской интеллигенціей былъ наиболѣе активною силою украинскаго возрожденія.

Такъ перекрещиваются на Украйнѣ ассимиляторскія и антиассимиляторскія вліянія двухъ культуръ.

Намъ остается указать еще на одинъ важный моментъ, который не можетъ не имѣть значенія для дальнѣйшаго развитія Россіи и судьбы Украйны. Этимъ моментомъ является экономическое противорѣчіе между великорусскимъ центромъ и невеликорусскими провинціями Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что благо-

даря до крайнихъ границъ проведенному государственному централизму, великорусскій центръ живетъ, развивается и процвѣтаетъ на счетъ невеликорусскихъ провинцій. Больше всего страдаетъ отъ этого Украина. Чѣмъ больше изъ года въ годъ высасываетъ великорусскій центръ изъ Украины, тѣмъ меньше отпускаетъ онъ на ея нужды. Поршъ вычисляетъ, что изъ доходовъ Украины, поступившихъ въ 1868-1892 гг. въ государственную кассу центра, лишь 60,2% вернулъ онъ ей; въ 1908-1910 возвратилъ онъ только 57,5%, а въ одномъ 1910 всего 45,7%.*) Вслѣдствіе такой хозяйственной политики Россіи центробѣжныя, иначе говоря, автономныя стремленія въ ней должны расти. Политическимъ выраженіемъ этихъ стремленій является децентрализація Россіи и автономія провинцій. Этотъ антагонизмъ между Украиною и великорусскимъ центромъ довольно силенъ уже и въ настоящее время. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, онъ несомнѣнно приметъ опредѣленный національно-украинскій характеръ.

Сдѣлаемъ же теперь изъ всего нами сказаннаго краткіе выводы. Болѣе чѣмъ 250 лѣтнее господство Россіи надъ Украиною не привело первую къ желанной цѣли: украинская народность сохранилась въ рамкахъ россійской государственности. Но сказать только это, значитъ не сказать всей правды. Продуктомъ пребыванія украинскаго народа въ рабствѣ у государства великорусскаго народа является такъ называемый „малороссъ.“ Это реальный типъ,

*) По исчисленіямъ Н. Соколова (ст. „Украина въ государственномъ бюджетѣ Россіи.“ Украинскій Вѣстникъ, № 2) Украина даетъ государственному бюджету свыше 500 милліоновъ рублей въ годъ, т. е. около 26% всѣхъ государственныхъ доходовъ а получаетъ изъ него 280 м. рублей, т. е. 15% изъ общей суммы расходовъ.

вызванный къ жизни какъ насильственной, руссификаторской политикой русскаго правительства, такъ и всѣмъ ассимиляторскимъ процессомъ на Украинѣ, имѣющимъ источникъ въ томъ положеніи вещей, которое создала тутъ россійская государственность.

Объективно, картина существующаго соотношенія силъ на Украинѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Море украинской этнографической массы, которой еле коснулось украинское національное возрожденіе. Эта масса господствуетъ въ деревнѣ. Среди этого моря большіе острова такъ наз. „малороссовъ“. Они разбросаны главнымъ образомъ по городамъ Украины. Малороссовъ пока это можно считать переходную ступенью между великорусскою и украинскою „народностью“. Это собственно типъ, который справедливо можно назвать „gente Ruthenus, —natione Moscovitus“. „Малороссы“ не представляютъ собою ничего цѣльнаго ни въ социальномъ политическомъ ни въ культурномъ смыслѣ. Ихъ политическое міровоззрѣніе весьма различно — отъ черносотенства до социализма. По своему отношенію къ украинцамъ лишь одно ихъ крыло крайне агрессивно, остальная масса или пассивна или даже сочувствуетъ украинскому національному возрожденію. Но всѣ они являются сознательными и безсознательными носителями и рабами россійской государственности и великорусской культуры на Украинѣ. И наконецъ, среди острововъ „малороссовъ“ имѣемъ болѣе или менѣе значительныя колоніи „украинцевъ“, т. е. тѣхъ, которые являются дѣйствительными носителями и строителями украинской народности.

Межъ великорусскими кнуто — и культуртрегерами и запряженными въ ихъ колесницу „малороссами“, съ одной стороны, и украинцами, съ другой,

идеть борьба за душу спящаго еще сномъ праведныхъ, великана — народа, за душу украинской этнографической массы. Результатъ этой борьбы будетъ въ конечномъ счетѣ рѣшающимъ для судьбы украинскаго вопроса въ Россіи.

3. „Завершенъе дѣла“ великаго князя Ивана Калиты.

„Да не будетъ отнынѣ подъяремной Руси! Достояніе Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Данила и Романа, сбросивъ иго, да воздвигнетъ знамя единой, великой, недѣлимой Россіи.

Да исполнится провидѣнье Божіе, благословившее дѣло собирателей земли русской!

Да поможетъ Господь своему царственному помазаннику, Николаю Александровичу, императору всей Руси, завершить дѣло великаго князя Ивана Калиты“.

Эти слова манифеста главнокомандующаго російскихъ армій, обращенныя при ихъ вступленіи въ Галичину къ „русскому народу“ Австріи — австрійскіе украинцы всегда были для Россіи „русскимъ народомъ“ — какъ нельзя болѣе отчетливо говорятъ про одну изъ главныхъ цѣлей Россіи въ настоящей войнѣ.

„Освобожденъе подъяремной Руси“, т. е. завоёванъе австрійской и венгерской Украйны стало дѣломъ національной чести Россіи. А дѣло это благословить не только вся буржуазная Россія, отъ Бобринскаго и Меньшикова до Милюкова, но и Россія Плехановыхъ, Рубановичей и Кропоткиныхъ.

Такъ напр. Милюковъ завоеванье украинскихъ земель Австро-Венгріи называетъ „возсоединеньемъ русскихъ народностей“ *).

Для осуществленія поставленной цѣли подчиненія этихъ земель, Россія не останавливается ни передъ какими жертвами. На поляхъ Галичины пролила она уже море крови своихъ подданныхъ и не страшится новыхъ гекатомбъ.

Чѣмъ объяснить это стремленье Россіи? Что является главнымъ мотивомъ ея нечеловѣческихъ усилій во что бы то ни стало пріобрѣсти галицкую Украину?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить коротко такъ: Россія, стремясь къ завоеванью австрійской Украины, хочетъ разъ навсегда разрѣшить украинскій вопросъ въ столыпинскомъ духѣ.

Вполнѣ справедливо сказалъ еще до войны извѣстный с.-д. теоретикъ національнаго вопроса, Отто Бауэръ, что украинскій вопросъ является вопросомъ жизни не только для царизма, но и для великорусскаго общества. Не безразлична для нихъ будущность украинской народности, не безразлично, разовьется ли украинскій народъ въ современную культурную націю или сольется съ великорусскимъ. Здѣсь „зарыта собака“ всей антиукраинской политики царизма и великорусскаго общества, отсюда также единомушіе обоихъ (за незначительными исключеніями) во взглядахъ на военныя цѣли по отношенію къ австрійской Украинѣ.

Бѣльмою въ глазахъ Россіи стала она съ того момента, какъ украинская стихія пробилась здѣсь толщу, которую въ продолженіе долгаго времени наносила сюда польская государственность и польская „культура“, съ того момента, когда забился здѣсь живо-

*) П. Милюковъ Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи. Сборникъ „Чего ждетъ Россія отъ войны“ 1915 ст. 50.

творный ключъ украинской національной идеи; когда въ горнилѣ тяжелаго труда и борьбы стала развиваться, зрѣть и закаляться украинская народность; когда искры національнаго сознанія стали перебрасываться черезъ россійскую границу, за Збручъ, въ города и села россійской Украйны. Будущій историкъ украинскаго національнаго возрожденія надлежащимъ образомъ оцѣнитъ роль галицкой Украйны въ національномъ развитіи россійской Украйны. Съ момента обнародованія россійскимъ правительствомъ варварскихъ указовъ 1863 и 1876 гг. до послѣднихъ дней передъ войною, Галичина была убѣжищемъ для изгнаннаго изъ предѣловъ имперіи великорусскаго народа и осужденнаго на небытіе украинскаго печатнаго слова. Все, что пожиралъ красный карандашъ россійскаго цензора, могло свободно печататься въ Галиціи. Здѣсь издавна былъ очагъ подпольной Украйны. Тутъ было „гнѣздо мазепинскаго движенія“. Часть украинскаго народа, которой благодаря счастливому стеченію историческихъ обстоятельствъ удалось выскользнуть изъ когтей Россіи, достигла въ борьбѣ за свои права съ австрійскимъ правительствомъ и галицкою Польшей, собственными силами, при напряженной работѣ среди самыхъ тяжелыхъ условій, такой ступени національно-культурнаго, экономическаго и политическаго развитія, что это начало серьезно беспокоитъ не только официальную Россію, но и часть великорусскаго общества, враждебную украинскому движенію: ростъ этого движенія и украинской національной идеи въ австрійской Украйнѣ имѣлъ немалое агитаціонное значеніе для россійской Украйны, гдѣ 30 милліоновъ украинскаго населенія обречено на національную смерть. Россія почувствовала опасность въ самомъ существованіи „украинскаго Пьемонта“. Втеченіи цѣлыхъ десятилѣтій, предшествовавшихъ войнѣ, Россія не

жалѣла средствъ для подготовки почвы для будущей оккупации. Если до войны въ Думѣ и за ея стѣнами, изъ устъ россійскихъ министровъ и политиковъ вырвались слова объ „украинской опасности“ для Россіи въ Австріи и угрозы въ сторону послѣдней за мнимое пособничество украинскому движенію, то во время войны, въ моменты наибольшихъ успѣховъ царской арміи, россійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Сазоновъ, говоря съ думской трибуны о причинахъ войны, открыто назвалъ „украинскую идею“ одною изъ нихъ.

Еще опредѣленнѣе высказался по этому вопросу идеологъ россійскаго имперіализма, извѣстный Струве.

„Прежде всего — говорить онъ — Россія должна возсоединить и объединить съ Имперіей всѣ части русскаго народа. Отсюда вытекаетъ историческая неизбѣжность присоединенія къ имперіи „русской“ Галичины. Такое присоединеніе неизбѣжно, — какъ это, къ сожалѣнью, съ полной ясностью обнаружилось именно въ связи съ этой войной, — и для внутренняго оздоровленія Россіи, ибо австрійское бытіе малорусскаго племени породило и питало у насъ уродливый такъ называемый „украинскій вопросъ.“*)

И развѣ можно было сомнѣваться въ томъ, какъ поступитъ Россія съ украинствомъ въ Галиціи, приобрѣтя послѣднюю въ свои руки?

И все же подобное сомнѣнье зародилось у незначительной группы украинской интеллигенціи въ Россіи, издающей журналъ „Украинская жизнь“, которая въ выпущенномъ манифестѣ подписывалась подъ военными цѣлями Россіи. Въ своей политической наивности она возлагала надежды на то, что

*. П. Струве. „Великая Россія и Святая Русь“. Русская мысль 1914. XII ст. 178.

въ „завоеванномъ краѣ“ Россія не посмѣетъ задушить и уничтожить цѣлое національно-культурное движеніе, все національное достояніе австрійскихъ украинцевъ, что присоединеніе этого края къ Россіи, наоборотъ, усилитъ украинство въ Россіи, придавъ ему новыя силы и новыя соки для дальнѣйшаго развитія. Но какъ безпощадно суровая дѣйствительность разбила эти иллюзіи на моментъ потерявшей голову украинской группы!*)).

24 сентября 1914 г. военный генераль-губернаторъ Галичины, графъ Бобринскій (братъ извѣстнаго агитатора) произнесъ при принятіи имъ польской делегаціи знаменательную рѣчь. Вотъ текстъ главной ея части, относящейся къ галицкой Украинѣ:

„Считаю необходимымъ—говорилъ онъ—познакомить Васъ, гг., съ направленьемъ моей настоящей дѣятельности.

Прежде всего, восточная Галиція и Лемковщина споконъ вѣковъ составляли коренную часть великой Руси. Населеніе этихъ земель было всегда русскимъ (!), поэтому и порядокъ въ нихъ долженъ быть заведенъ на русскихъ началахъ. Буду вводить здѣсь

*) О томъ, какое настроеніе по отношенію къ Россіи царило тогда среди сознательной части россійскихъ украинцевъ, можемъ судить пока по слѣдующему факту. Въ своей статьѣ „Украинцы и мазепинцы“ (Рѣчь, №. 125, 1915) Милюковъ пишетъ: Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получилъ я отъ неизвѣтнаго автора Открытое письмо въ редакцію „Рѣчи“, въ которомъ, наряду съ упреками по адресу великорусской интеллигенціи, категорически заявляется, что „политика, враждебная Россіи, политика освобожденія украинскаго народа—единственно реальная въ настоящее время“. Авторъ этого „письма“ называетъ такой взглядъ не „австрійскою“ а „европейскою“ оріентаціей, въ противоположность „азиатской“ или „русской“. Онъ утверждаетъ даже, что европейская оріентація—ориентація массовая, глубокая, и что на эту позицію встало лѣвое крыло украинской буржуазіи и украинскаго пролетаріата“.

русскій языкъ, русское право и государственный строй. Буду проводить это постепенно, ибо считаю нужнымъ, въ интересахъ всего населенія, не насиловать нормальнаго теченія жизни въ краѣ.

Въ виду этого ограничусь на первое время назначеніемъ русскихъ губернаторовъ, русскихъ исправниковъ и русской полиціи. Всякіе же органы мѣстнаго самоуправленія, какъ-то городскія думы, сельскія общества и т. п. допущу къ отправленію обязанностей, разумѣется, лишь подъ условіемъ, если эти органы проявятъ свою вѣрность русской власти. Сеймъ не будетъ созванъ. Запрещаются засѣданія совѣтовъ уѣздныхъ, городскихъ и общественныхъ. Дѣятельность всякихъ союзовъ, товариществъ, общественныхъ организацій отмѣняется на все время военныхъ дѣйствій. Открытіе дѣятельности этихъ обществъ можетъ послѣдовать лишь по особому моему разрѣшенію, и то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Все сказанное относится исключительно къ коренной русской землѣ“.

А за словами россійскаго генераль-губернатора послѣдовали дѣла. Спеціальнымъ постановленіемъ того же губернатора еще отъ 19 сент. 1914 г. запрещена „продажа въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ, равно и выдача изъ библіотекъ книгъ „на малорусскомъ нарѣччіи, изданныхъ не въ предѣлахъ Россійской Имперіи“. Всѣ подобнаго рода книги должны быть сложены въ особомъ мѣстѣ по указанію мѣстной власти. И началась лихорадочная дѣятельность варварскаго уничтоженія всего, что было украинскаго. Закрыты всѣ украинскія школы, общества и учрежденія, запрещены всѣ украинскіе журналы и книги, украинскій языкъ изгнанъ изъ публичнаго обихода вплоть до вывѣсокъ на магазинахъ и частныхъ объявленій на стѣнахъ. Запрещено почтовымъ учрежденіямъ принимать письма и открытки, адресованныя и написанныя

по-украински. Уничтожались и сжигались въ публичныхъ мѣстахъ украинскія бібліотеки, даже музыкальныхъ нотъ съ украинскимъ текстомъ не пощадила рука російской администраціи въ „завоеванномъ краѣ“. Но этого мало. Она не щадила греко-католическихъ церквей и насильно обращала ихъ въ православныя. Кто не подчинялся самоуправству администраціи, того ссылали въ Сибирь. Такъ былъ высланъ туда митрополитъ графъ Шептицкій и тысячи украинской интеллигенціи, духовной и свѣтской, сотни крестьянъ-патріотовъ. Почти на всѣ административныя мѣста края поставлены, вывезенные изъ глубинъ Россіи, послѣдніе отбросы великорусскаго общества. Оргіи руссификаторскихъ вакханалій справляли въ галицкой Украинѣ полный триумфъ.

„Обрусьнѣе въ завоеванномъ краѣ протекаетъ нормально“ — возвѣщало міру Петроградское телеграфное агентство.

Но это еще не все.

Слѣдомъ за царской арміей двинулись въ Галицію представители либеральной и прогрессивной части великорусскаго общества. Правительство и російскіе націоналисты, при помощи галицкихъ москвофиловъ, душили все, что было украинскаго, а представители либеральной и прогрессивной Россіи старались усыпить мѣстныхъ украинцевъ надеждами на великую будущность Россіи съ ея богатствами и культурою. Корреспонденты прогрессивной російской прессы не стѣснялись даже изображать каждое слово, произнесенное передъ ними украинцами изъ страха передъ російскими штыками, въ качествѣ объективнаго свидѣтельства триумфа російской культуры.

Россійскій либераль Старосельскій писалъ въ „Русской Мысли“ : „До сихъ поръ культурная связь между Прикарпатской Русью и Россіей была сравнительно слабой. Послѣ присоединенія ея къ Россіи

все въ корнѣ измѣнится. Во Львовѣ слѣдуетъ ожидать открытія русскаго университета. Русскіе класики сдѣлаются достояніемъ всего населенія. Появится во Львовѣ русскій театръ. И можно даже надѣяться на такое торжество русской культуры, какъ пріѣздъ во Львовъ Московскаго Художественнаго Театра“.

Этотъ „праздникъ русской культуры“ долженъ былъ дѣйствительно состояться. Вѣдь пріѣздъ Московскаго Художественнаго Театра, этой культурной гордости великороссовъ, задуманный съ большой помпой, ожидался во Львовѣ въ послѣдніе дни російскаго наѣзда. Празднику помѣшало лишь австрійско-нѣмецкое наступленье и переходъ Львова назадъ въ австрійскія руки.

Такъ царственный помазанникъ Николай II и его люди завершали дѣло вел. князя московскаго Ивана Калиты, невольника хана Золотой Орды, который первый изъ князей укрѣпилъ положенье Москвы, не безгая ни униженьемъ, ни заискиваньемъ передъ ханомъ, ни подкупамъ, интригами и убійствами.

Такъ происходило объединенье „русскихъ народностей“ въ Галичинѣ.

А было оно такимъ страшнымъ и такимъ позорнымъ, что послѣ отступленья царскихъ войскъ, сами исполнители національно—культурнаго убійства, совершеннаго надъ украинскимъ народомъ въ Галичинѣ, они сами испугались содѣяннаго! И странное дѣло! Во взаимныхъ поискахъ виновниковъ, они не могли ихъ доискаться. Бобринскіе, Савенки, Евлогіи и пр. умывали руки, не признавая за собой вины.

Но ошибался бы тотъ, кто думалъ, что великорусское общество и его пресса осудили самую цѣль этой политики. Ничего подобнаго! Была осуждена лишь данная тактика російскаго правительства, которая въ моментъ войны не ведетъ къ цѣли, но

отнюдь не самая цѣль. Такъ, черносотенный „Колоколъ“ открыто писалъ, что для разрѣшенія дѣла „галицкаго украинофильства“ придетъ свое время, когда завоеванье извѣчно русской области окончательно и ненарушимо будетъ закрѣплено за Россійской Имперіей“. А въ другомъ мѣстѣ, хотя тотъ же „Колоколъ“ и „Новое Время“ писали, что результаты политики русскаго правительства могли убѣдить cadaго въ несоотвѣтствіи „нашихъ домашнихъ мѣрокъ“ въ примѣненіи къ оккупированнымъ областямъ, то все же они не скрывали, что эти „мѣрки“ не годятся лишь теперь во время войны. „Буковинское уніатство и галицкое украинофильство—явленія, имѣющія за собой историческое прошлое и поэтому борьбу съ ними нужно вести обдуманно, принимая во вниманье сложныя политическія отношенія въ Галиціи“ — писалъ „Колоколъ“. Въ томъ же духѣ высказывались и другія россійскія газеты.

Итакъ, что за перспективы открывались передъ украинской народностью въ случаѣ аннексіи Россією австрійской Украины, достаточно ярко обнаружила россійская оккупация Галиціи.

На кровавомъ экранѣ міровой войны предсталъ передъ нами какъ страшный призракъ—ближайшее будущее украинскаго народа въ рамкахъ россійской государственности.

4. Великорусское общество и украинскій вопросъ.

Какъ бы ни закончилась міровая война, несомнѣнно, что почти вся украинская этнографическая территория останется при россійской имперіи, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что весь украинскій народъ перей-

детъ подъ власть Россіи. Поэтому вопросомъ крайней важности является для украинской демократіи знать, можетъ ли украинскій народъ въ борьбѣ за свое существованье разсчитывать на помощь великорусскаго общества и, если можетъ, то въ какой степени. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ получить, кратко и въ общихъ чертахъ познакомившись съ отношеньемъ великорусскаго общества къ украинскому вопросу въ прошломъ и настоящемъ.*) Разумѣется, насъ интересуетъ исключительно отношенье демократическихъ элементовъ великорусскаго общества къ украинцамъ и украинскому вопросу. Отношенье реакціонныхъ и либеральныхъ элементовъ его оставимъ въ сторонѣ, — оно всѣмъ хорошо извѣстно; съ ними украинская демократія можетъ лишь вести безпощадную борьбу.

Съ момента неудачной битвы подъ Полтавой (1709) и по настоящій день духъ Мазепы не даетъ Россіи покою. Тотъ фактъ, что имя его изъ года въ годъ проклинается по церквамъ россійской имперіи, какъ имя измѣнника царя и Россіи, наилучше всего говоритъ о томъ, какую ненавистью дышитъ официальная Россія къ памяти того, кто съ оружіемъ въ рукахъ хотѣлъ положить конецъ господству Москвы надъ Украиной. Эту ненависть перенесла она на все, что имѣетъ какую-либо связь съ одною мыслью о самостоятельности украинскаго народа, объ его свободѣ. Всякое движенье, даже самое невинное, всякая мысль, идущая въ разрѣзъ съ официальнымъ понятіемъ объ Украинѣ, клеймится какъ сепаратизмъ,

*) На эту тему въ украинской публицистической литературѣ имѣются слѣдующіе труды: М. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія. — М. Лозинскій. Польський і великоруський революційний рух. — Україна, Д. Донцов. Російські соціалдемократи і українське питання („Наш Голос“).

какъ что-то, отъ чего вѣтъ отдѣленьемъ Украйны отъ Россіи. Нужно прямо сказать, что, если у большинства великорусскаго общества, собственно у его правыхъ элементовъ борьба съ украинствомъ стала цѣлою политической программой, то у остальной части общества, за небольшими исключеніями, украинскій вопросъ не оцѣнивался иначе, какъ съ криминально-политической точки зрѣнія. Въ сущности нѣтъ и не можетъ быть разницы въ томъ, что одни, вслѣдъ за россійскимъ правительствомъ, обрекаютъ на смерть украинскій вопросъ и украинское движеніе, а другіе на смерть замалчиваютъ ихъ; что одни открыто враждебно относятся къ нимъ, а другіе считаютъ нужнымъ либо прикрывать свою враждебность къ украинскому движенію молчаньемъ о немъ или насмѣшками надъ его мнимой несерьезностью, либо отговариваться незнаньемъ вопроса и движенія. Анализъ отношенія великорусскаго общества къ украинскому вопросу за послѣдніе 50-60 лѣтъ не можетъ оставлять у насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что касается отношенія къ этому вопросу 9/10 этого общества.

Если бросить взглядъ на прошлое великорусско-украинскихъ отношеній, то нельзя не признать, что у извѣстныхъ единицъ великорусскаго общества было надлежащее пониманье украинскаго вопроса, что они относились сочувственно къ стремленьямъ украинцевъ, хотя, говоря правду, рѣдко когда это отношенье было свободно отъ предразсудковъ россійской государственности.

Вспомнимъ хотя бы великаго украинофила великоросса, декабриста К. Рылѣва, посвятившаго украинскимъ освободительнымъ традиціямъ свои лучшія думы и поэмы, которыя въ свое время поднимали и ширили на Украинѣ національное сознаніе.

Свою поэму „Войнаровскій“ посвящаетъ онъ племяннику Мазепы, закончившему свою жизнь въ

Якутскѣ. Авторъ выводитъ въ ней Войнаровскаго, какъ искренняго энтузіаста воли Украйны, который свято вѣритъ въ Мазепу, въ то, что его возстанье противъ Петра будетъ

Борьба свободы съ самовластьемъ.

О возстаніи Мазепы онъ говоритъ такъ:

Такъ мы свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей . . .

.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный
Душею истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.

.
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ,
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!

Интересно, что и Пушкинъ въ своей поэмѣ „Полтава“ не побоялся изобразить протестъ Украйны противъ неволи Москвы. Вотъ какъ описываетъ онъ недовольство казаковъ правительствомъ Петра I:

Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордіенко
Владѣли силой войсковою,

Тогда бѣ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали козаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки.

Въ уста Мазепы влагаетъ онъ слѣдующія слова:

Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра!

Подобные голоса про Украину въ устахъ великороссовъ съ теченіемъ времени становятся все рѣже. Еще Добролюбовъ и Чернышевскій признавали самостоятельность украинскаго народа, хотя во взглядахъ своихъ на украинскую литературу и украинскія политическія стремленія и цѣли они и не могли освободиться вполнѣ отъ великорусскихъ государственныхъ традицій. Герценъ колебался. Его позиція въ украинскомъ вопросѣ была двойственная: признавая за украинцами право на свободное развитіе, онъ рѣшительно связывалъ его съ російскою государственною. Лишь Бакунинъ имѣлъ ясный взглядъ на украинскій вопросъ и правильно его разрѣшалъ. *) „Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода распорядиться собою и устроиться по своему усмотрѣнію, безо всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, непосред-

*) Подробно объ этомъ у Драгоманова: Историческая Польша и великорусская демократія.

ственного *)—такъ опредѣленно говорилъ Бакунинъ. Но начиная приблизительно съ момента изданія позорнаго антиукраинскаго указа 1876 г. вплоть до революціи, великорусская демократія или хранитъ въ украинскомъ вопросѣ гробовое молчанье или относится къ нему отрицательно.

Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробности, но всетаки считаемъ нужнымъ иллюстрировать нашу мысль двумя—тремя примѣрами.

Украинское движеніе въ Россіи во второй половинѣ XIX ст. носило почти исключительно литературный характеръ. О политической окраскѣ его не могло быть и рѣчи. Извѣстно оно было подъ именемъ „укаинофильства“, названія немного страннаго, но имѣвшаго свое оправданіе въ томъ, что укаинофильскіе дѣятели чувствовали себя насквозь лойяльными гражданами россійскаго государства, любили они лишь свое „близкое отечество“ — Украйну, ея природу, бытъ, пѣсни, традиціи, занимались этнографіей, изслѣдовали украинскую старину, создавали украинскую литературу. Но во всемъ этомъ россійское правительство и реакціонные элементы усматривали страшное преступленье, грозившее цѣлостности россійскаго государства, усматривали „измѣну“, „сепаратизмъ“. Такимъ образомъ споръ по украинскому вопросу въ великорусской прессѣ сводится во второй половинѣ XIX ст. къ спору объ украинской литературѣ. Позицію лѣвой части великорусскаго общества въ этомъ вопросѣ можно опредѣлить кратко такъ: одни заняли явно враждебное отношенье къ мысли о правѣ на существованье украинской литературы наряду съ другими литературами, а слѣд. и великорусской, и указывали украинцамъ на примѣръ

*) „Народное Дѣло“. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42.

Гоголя; другіе признавали вспомогательное значенье за украинской популярной литературой (литература для „домашняго обихода“); третьи просто игнорировали этотъ вопросъ.

Нужно ли напоминать, какъ въ 40 г. г. корифей русской критики, Бѣлинскій высмѣивалъ украинскую литературу „дышащую простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума“, и какъ грубо нападалъ онъ на Шевченко за его сочиненія на „малороссійскомъ нарѣчїи“? Стоитъ ли указывать на знаменитаго великорусскаго сатирика Салтыкова-Щедрина, который немилосердно бичевалъ всякое „ташкентство“ и руссификаторскіе подвиги и въ то же время самое стремленье къ созданью украинской литературы сравнивалъ съ намѣреніемъ Ивана Перерепенко создать изъ Миргорода самостоятельное государство? Что говорить о другихъ, когда самъ ученый Милюковъ въ 70 гг. въ своей статьѣ „Вопросъ о малороссійской литературѣ“ договаривался до того, что по его мнѣнію, до конца XVIII ст. никто не писалъ „по-малороссійски“, что въ XVII-XVIII ст. въ „Малороссїи“ писали „языкомъ—смѣсью польскаго и общерусскаго“ (котораго тогда еще не существовало!), что изъ этой смѣси и возникло „малорусское народное нарѣчїе“. Разумѣется, располагая подобными „научными“ взглядами на украинскій языкъ, онъ выступалъ врагомъ украинской литературы. Правда, теперь онъ совершенно измѣнилъ свою точку зрѣнія, но его прежніе взгляды на украинство и украинскую литературу можно считать типичными, характерными для духа времени. А чтобы въ этомъ букетѣ не было недостатка и въ социалистическомъ цвѣткѣ, приведемъ мнѣнье извѣстнаго великорусскаго с.-д. Л. Дейча, который наилучшимъ образомъ характеризуетъ отношенье великорусскихъ социалистовъ типа Пле-

ханова и Дейча въ 80 гг. прошлаго столѣтія, не измѣнившееся у нихъ и до сихъ поръ.

Въ статьѣ „Драгомановъ въ изгнаніи“, помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“ за 1913 г. Дейчъ вспоминаетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни украинской и великорусской эмиграціи, имѣвшій мѣсто на общемъ митингѣ въ Женевѣ въ 1880 г. На этомъ собраніи покойный Павликъ читалъ рефератъ о Галиціи. Въ дискуссіи по поводу него одинъ изъ украинскихъ эмигрантовъ (С. Подолинскій) сдѣлалъ социалистамъ на Украинѣ упрекъ въ томъ, что они ничего не дѣлаютъ для своего родного края. „Нельзя было оставить его рѣчи безъ возраженія, — замѣчаетъ Дейчъ. Поэтому я рѣшилъ взять слово, чтобы опровергнуть брошенныя намъ, какъ намъ тогда казалось, несправедливыя обвиненія. Имѣя ввиду, что мы не останавливаемся ни передъ какими жертвами ради угнетенныхъ массъ, я постарался обрисовать дѣятельность украинофиловъ въ югозападномъ краѣ, какъ бесполезную трату времени, все равно какъ переливанье изъ пустого въ порожнее. Я рассказалъ, какъ украинофилы тратятъ по нѣскольку лѣтъ на исправленье одной буквы малороссійскаго словаря или на собиранье и изданье народныхъ пѣсенъ и пословиць, а если ужъ раскachaются написать что-нибудь для народа, то печаютъ такіе глубокомысленные рассказы какъ „Про сїру кобилу“, или „Як баба Параска та купила порося.*).

*) Отмѣтимъ, что мнимый украинскій рассказъ „Як баба Параска та купила порося“ злостная выдумка Дейча. Подобнаго рассказа не писалъ никто изъ украинскихъ писателей. Надлежащій отпоръ этому великорусскому шовинисту за эти и другія ложныя свѣдѣнія о Драгомановѣ дали живой свидѣтель происходившаго и товарищъ Драгоманова, В. Дебагорій Мокріевичъ въ статьѣ „По поводу статьи Дейча „Украинская и общерусская эмиграція“ (Укр. Жизнь,

Чѣмъ можно объяснить себѣ эти грубо циничныя и злобныя слова въ устахъ великорусскаго социалиста, если не просто пропитанной желчною ненавистью его ко всему украинскому? И не думайте, что теперь воспоминанье объ этомъ эпизодѣ вызываетъ у Дейча чувство глубокаго стыда! Нѣтъ, онъ, и понынѣ называющій украинцевъ «южанами», а Украину «юго-западнымъ краемъ», гордъ своимъ отвѣтомъ Подолинскому, когда говоритъ, что «громъ апплодисментовъ» присутствовавшихъ на докладѣ Павлика великорусскихъ социалистовъ, посыпался въ награду за эту реплику. Онъ даже удивляется, что послѣ этихъ словъ украинцы, присутствовавшіе на рефератѣ, почувствовали себя оскорбленными и съ Драгомановымъ во главѣ покинули залъ; и что съ тѣхъ поръ Драгомановъ порвалъ всякія сношенія съ великорусскими эмигрантами, враждебно относившимися къ Украинѣ. Подобнымъ образомъ высказывался Дейчъ объ украинцахъ и ихъ литературно-культурныхъ стремленіяхъ въ то время, когда украинская литература имѣла уже такіе литературные таланты, какъ Котляревскій, Квитка, Марко Вовчокъ, Кулишъ, Мирный, Шашкевичъ, Федьковичъ и геніальный Шевченко; когда украинская этнографія стояла гораздо выше великорусской и занимала почти первое мѣсто въ славянской этнографіи (укажемъ хотя бы на извѣстные «Труды» Чубинскаго и изданныя Антоновичемъ и Драгомановымъ «Историческія пѣсни украинскаго народа»); когда украинскіе ученые, какъ Потенбня, Сумцовъ, Житецкій издали цѣлый рядъ работъ по украиновѣдѣнію вообще и объ украинскомъ языкѣ

1915, II) и извѣстный украинскій публицистъ, С. Ефремовъ въ статьѣ „О томъ, что было и чего не было. По поводу воспоминаній г. Дейча“ (Укр. Ж. 10—12, 1915).

и украинской народной словесности въ частности; когда такіе украинскіе историки, какъ Костомаровъ и Антоновичъ свои лучшіе труды посвятили исторіи Украйны; когда по всей Россіи гремѣла слава объ украинскомъ народномъ театрѣ.

Впрочемъ отрицательное отношеніи великорусской демократіи (за немногими исключеніями) къ украинской литературѣ во второй половинѣ XIX ст., нѣсколько примѣровъ котораго мы здѣсь видѣли, можно кое-какъ объяснить себѣ. Каково бы количественно и качественно ни было значеніе украинской литературы, несомнѣнно, что въ процессѣ развитія украинскаго народа, какъ отдѣльной народной индивидуальности, ея значеніе—первостепенно. Двѣ отдѣльных литературы,—значить — двѣ культуры, двѣ народности, со всѣми политическими послѣдствіями, вытекающими изъ этого факта. Но вѣдь въ понятіе „культура“ входятъ и политика. Одной отъ другой нельзя отдѣлить. Котляревскій, этотъ ультра-лояльный чиновникъ россійскаго государства, когда писалъ свою „Енеїду“ на украинскомъ народномъ языкѣ, самъ не подозрѣвалъ, что дѣлаетъ великое политическое дѣло. И вся украинская литература, взрощенная въ полицейско-татарскихъ условіяхъ россійской дѣйствительности, имѣла глубокую политическую основу. Чутьемъ поняли это враги украинскаго народа и великорусскіе демократы, относившіеся враждебно, отрицательно либо пренебрежительно къ украинской литературѣ, вынося изъ школы, изъ всего своего воспитанія, изо всей атмосферы, ихъ окружавшей, самую дикія представленія объ Украйнѣ и ея народѣ.

Переходя къ характеристикѣ отношенія великорусской демократіи къ украинскому вопросу въ періодъ, когда и въ Россіи онъ принялъ опредѣленный политическій оттѣнокъ — датируется это

выступленіемъ на поле дѣятельности первой украинской массовой политической организациі „Революціонной Украинской Партіи“ (1900) — приходится сказать, что въ этомъ отношеніи почти не произошло никакой перемѣны, или что эти перемѣны совершенно незначительны.

Еще и по нынѣшній день въ глазахъ большинства „великорусскихъ демократовъ“ Украина это „югъ Россіи“, „Южный край“, „Малороссія“ или „Хохландія“. Вы не встрѣтите у нихъ ни тѣни желанія познакомиться съ глубоко трагической исторіей украинскаго народа, понять его настоящія муки и боли, его стремленія и надежды. Средній великорусскій демократъ или социалистъ больше знаетъ про Китай или дикихъ кафровъ, чѣмъ про украинцевъ, среди которыхъ многимъ изъ нихъ приходится работать. Не говоримъ уже о легкомысленномъ, а иногда и презрительномъ отношеніи ихъ къ украинцамъ, какъ къ „хохламъ“*), какъ къ чему-

*) Слово „хохолъ“ означаетъ чубъ на головѣ, который носили украинскіе казаки. Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, вступая въ 1654 г. въ предѣлы Украины, обратился къ населенію съ манифестомъ, въ которомъ читаемъ: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью) хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите.“ (Соловьевъ. Исторія Россіи. X, 318). Жалобы на то, какъ царскіе гарнизоны, разставленные по Украинѣ, издѣвались, силою сбрывая „хохлы“ на головахъ мужчинъ, были обычнымъ явленіемъ. Эту презрительную кличку Москали перенесли съ тѣхъ поръ на все украинское населеніе. Среди нѣкоторой его части, главнымъ образомъ, среди крестіянъ, она даже привилась. Это только лишній разъ показываетъ, на сколько московская неволя на Украинѣ задавила въ подчиненномъ народѣ чувство собственнаго достоинства, стыда и обиды. Можетъ быть, задумаются надъ этимъ тѣ великорусскіе с.-д., которые привыкли называть украинцевъ „хохлами“.

то низшему. И теперь великорусские демократы упорно стали замалчивать украинское движение, что давало — это нужно сказать открыто — огромную моральную силу преследованиям украинского движения со стороны правительства. Такъ, отъ самаго появленія великорусскаго социализма до послѣдняго времени подъ вопросъ ставилось само существованіе украинской народности. Незначительныя исключенія не мѣняютъ правила.

Когда же російская революція поставила на очередь національный вопросъ, великорусская демократія, и особенно ея лѣвое крыло, великорусские социальдемократы, продолжали его либо игнорировать либо относиться къ нему отрицательно, усматривая въ національныхъ движенияхъ угнетенныхъ націй Россіи реакціонное явленіе, лишь мѣшающее развитію революціи и социализма въ Россіи. Терпѣлись еще кое-какъ польское и финское національное движеніе, прочія же, и особенно украинское, не пользовались благосклоннымъ вниманіемъ великорусскихъ демократическихъ и особенно революціонныхъ группъ.

Что національныя движенія въ Россіи были и есть прогрессивны, что въ нихъ лежатъ могучіе зародыши демократическаго переворота во всемъ государствѣ, что великорусская демократія въ борьбѣ съ царизмомъ можетъ имѣть въ нихъ лишь своихъ прямыхъ союзниковъ, до такого пониманія національнаго вопроса въ Россіи далеко было великорусской демократіи. Можно это объяснить развѣ лишь тѣмъ, что она примирилась съ фактомъ насильныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній царизма, признавая, что Польша, Финляндія, Литва, Кавказъ и т. д., а особенно Украина — это составныя части „единой и недѣлимой Россіи.“ А эту цѣлостность Россійской имперіи одинаково защищаетъ какъ великорусскій черносотенецъ, такъ и революціонеръ. И особенно

характерно здѣсь то, что этотъ безстыдный великорусскій шовинизмъ прикрывался у многихъ, очень многихъ великорусскихъ социалистовъ интернационализмомъ, во имя котораго народность, какъ очевидный фактъ, игнорировалась, національныя движенія осуждались, какъ реакціонныя и вредящія революціонному движенію, а социализмъ среди угнетенныхъ народовъ, поскольку онъ не шель въ хвостѣ великорусскаго или, какъ его неправильно называютъ, російскаго социализма, клеймился какъ „націонализмъ“.

Настоящая война сбросила маску съ лица великорусскихъ демократовъ и революціонеровъ (оговорку дѣлаемъ лишь по отношенію къ крайнему лѣвому крылу великорусской демократіи), обнаживъ совершенно ихъ прежнее лицемѣріе.

Трудно удержаться, чтобы не привести здѣсь весьма удачной характеристики великорусскихъ демократовъ въ ихъ отношеніи къ національному вопросу до войны и во время ея, сдѣланной В. Винниченко.

„Такъ, до этой войны на поверхности нѣкоторыхъ душъ благодушно плавала туповатая, самодовольная вѣра въ ненужность національныхъ вопросовъ. Схоластическій, сухой, отвлеченный интернационализмъ какъ жандармъ стоялъ у входа въ эти души и отбиралъ паспорта у мыслей, желающихъ проникнуть внутрь. Неблагонадежныя „на предметъ національности“ съ позоромъ прогонялись.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что такія души не принадлежали къ національностямъ угнетеннымъ. Это были сытыя, откормленныя души, не знавшія никакихъ лишеній, не понимавшія, что значить голодь и жажда.

Война встряхнула даже такія души, и строгій жандармъ незамѣтно стусевался и, сконфуженный,

испуганный, неизвестно куда исчезъ. Интернационалисты вдругъ сдѣлались отчаянными націоналистами. Призраки національныхъ лишений, факты униженій національной гордости согнали съ ихъ душъ самодовольную, интернациональную улыбку. Онѣ теперь очень серьезны, очень озабочены и безъ паспортовъ пропускаютъ всякія мысли, касающіяся *ихъ* національности“.*)

Поскольку рѣчь идетъ объ отношеніи великорусской демократіи за время войны къ украинскому вопросу, то приходится констатировать слѣдующіе факты.

Правое крыло великорусскаго народничества и великорусской с.-д., т. е. такъ называемое патріотическое теченіе великорусскаго социализма, отнеслось къ украинскому вопросу опредѣленно враждебно. Рубановичъ, Плехановъ просто отрицаютъ существованье украинской народности. Ихъ отношенье къ стремленіямъ къ самостоятельности украинцевъ дышетъ такою же ненавистью, какъ отношенье черносотенныхъ и либеральныхъ элементовъ великорусскаго общества. Хотя нужно сказать, что нѣкоторые отдѣльные представители этого теченія дѣлаютъ украинскому движенію извѣстныя концессіи (отмѣна исключительныхъ антиукраинскихъ распоряженій, украинская народная школа и т. п.), т. е. придаютъ украинству въ Россіи, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Милюковъ и лѣвые великорусскіе либералы, характеръ провансализма.

Отрицательное свое отношенье къ украинству маскируютъ теченія центра великорусской социаль-демократіи (Аксерольдъ, Троцкій). Открыто они по украинскому вопросу до сихъ поръ не высказы-

*) Винниченко: „Лупайте сю скалу!“ (Укр. Жизнь № 11-12, 1915)

вались. Но стоятъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія російской государственности и поэтому не скрываютъ своего удовольствія на случай, если бы російскіе украинцы ассимилировались.

Сочувственное же отношеніе къ украинцамъ встрѣчаемъ мы лишь въ теченіи лѣваго народничества (Черновъ) и у лѣваго крыла російской с-д. (Ленинъ). Всѣхъ дальше въ украинофильствѣ — если можно такъ выразиться — пошелъ Ленинъ.

Считаемъ нужнымъ привести здѣсь выдержки изъ его замѣчательной и въ великорусской социалистической литературѣ исключительной статьи, помѣщенной въ 35 № „Соціалдемократа“, статьи, озаглавленной „О національной гордости великоросовъ“:

„Намъ, представителямъ великодержавной націи крайняго востока Европы и доброй доли Азіи, неприлично было бы забывать о громадномъ значеніи національнаго вопроса, — особенно въ такой странѣ, которую справедливо называютъ „тюрьмой народовъ“*), — въ такое время, когда именно на дальнемъ востокѣ Европы и въ Азіи капитализмъ будитъ къ жизни и къ сознанію цѣлый рядъ „новыхъ“ большихъ и малыхъ націй.

Чуждо ли намъ, великорусскимъ сознательнымъ пролетаріямъ, чувство національной гордости? Конечно нѣтъ! Мы любимъ свой языкъ и свою родину, мы больше всего работаемъ надъ тѣмъ, чтобы

*) Въ своей статьѣ „Russland als Nationalitätenstaat“ (Die Neue Zeit) Семковскій, одинъ изъ представителей центра російской с-д., считаетъ это изображеніе Россіи „тюрьмою народовъ“ неправильнымъ. Однако, намъ помнится, до войны тотъ же Семковскій и многіе изъ его товарищей говорили иначе, а именно такъ, какъ говорить теперь Ленинъ. Конечно, нѣтъ „правды въ себѣ“, есть лишь „правда для кого“ и „правда для чего“.

ея трудящіяся массы (т. е. 9/10 ея населенія) поднять до сознательной жизни демократовъ и социалистовъ. Намъ больнѣе всего видѣть и чувствовать, какимъ насиліямъ, гнету и издѣвательствамъ подвергаютъ нашу прекрасную родину царскіе палачи, дворяне и капиталисты.

Мы полны чувства національной гордости, и именно потому мы *особенно* ненавидимъ свое рабское прошлое (когда помѣщики дворяне вели на войну мужиковъ, чтобы душиť свободу Венгрии, Польши, Персіи, Китая) и свое рабское настоящее, когда тѣ же самые помѣщики споспѣшествуемые капиталистами, ведутъ насъ на войну, чтобы душиť Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движеніе въ Персіи и Китаѣ, чтобы усилить позорящую наше великорусское достоинство шайку Романовыхъ, Бобринскихъ, Пуришкевичей. Никто не повиненъ въ томъ, если онъ родился рабомъ; но рабъ, который не только чуждается стремленій къ своей свободѣ, но оправдываетъ и прикрашиваетъ свое рабство (напримѣръ называетъ удушеніе Польши, Украины и т. д. „защитой отечества“ великороссовъ), такой рабъ есть вызывающій законное чувство негодования, презрѣнія и омерзенія холуй и хамъ“.

„Не можетъ быть свободенъ народъ, который угнетаетъ чужіе народы“, такъ говорили величайшіе представители послѣдовательной демократіи 19-го вѣка, Марксъ и Энгельсъ, ставшіе учителями революціоннаго пролетаріата. И мы, великорусскіе рабочіе, полные чувства національной гордости, хотимъ во чтобы то ни стало, свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссіи, строящей свои отношенія къ сосѣдямъ на человѣческомъ принципѣ равенства, а не на унижающемъ великую націю крѣпостническомъ принципѣ привилегій. И именно потому, что

мы хотимъ ея, мы говоримъ: нельзя въ 20-мъ вѣкѣ, въ Европѣ (хотя бы и дальневосточной Европѣ) „защитать отечество“ иначе, какъ борясь всѣми революціонными средствами противъ монархіи, помѣщиковъ и капиталистовъ *своего* отечества т. е. худшихъ враговъ нашей родины; — нельзя великороссамъ „защитать отечество“ иначе, какъ желая во всякой войнѣ пораженія царизму, какъ наименьшаго зла для 9/10 населенія Великороссіи, ибо царизмъ не только угнетаетъ эти 9/10 населенія экономически и политически, но и деморализуетъ, унижаетъ, обезчещиваетъ, проституируетъ его, приучая къ угнетенію чужихъ народовъ, приучая прикрывать свой позоръ лицемѣрными, яко бы патриотическими фразами.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что кромѣ царизма и подъ его крылышкомъ возникла и окрѣпла уже другая историческая сила, великорусскій капитализмъ, который дѣлаетъ прогрессивную работу, централизуя экономически и спланивая огромныя области. Но такое возраженіе не оправдываетъ, а еще сильнѣе обвиняетъ нашихъ социалистовъ-шовинистовъ, которыхъ надо бы назвать царско-пуришкевичевскими социалистами (какъ Марксъ назвалъ лассальянцевъ королевско-прусскими социалистами). Допустимъ даже, что исторія рѣшитъ вопросъ въ пользу великорусскаго великодержавнаго капитализма противъ ста и одной маленькой націи. Это не невозможно, ибо вся исторія капитала есть исторія насилій и грабежа, крови и грязи. И мы вовсе не сторонники непременно маленькихъ націй; мы безусловно *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, за централизацію и противъ мѣщанскаго идеала федеративныхъ отношеній. Однако даже въ такомъ случаѣ, во-первыхъ, не наше дѣло, не дѣло демократовъ (не говоря уже о социалистахъ) помогать Романову-Бобринскому-Пуришкевичу душиить Украину и т. д. .“

Со времени появленія „Великорусса“*) и мужественнаго выступленія Бакунина въ защиту угнетенныхъ народностей Россіи, это первый смѣлый голосъ великорусскаго социальдемократа, попирающаго принципъ недѣлимости Россіи, какъ государства великороссовъ. Его нельзя не привѣтствовать**). Тѣмъ болѣе, если принять во вниманье, что эта именно статья Ленина вызвала широкое недовольство въ лагерѣ самихъ большевиковъ и какъ разъ среди элементовъ, которымъ очень трудно освободиться отъ традицій великорусской государственности и націонализма.***)

*) Вотъ что читаемъ во 2 № „Великорусса“: „Тоже самое желанье уничтожить систему вооруженнаго насилия, требуетъ, чтобы населенію Южной Руси (т. е. Украины,) предоставлена была полная свобода распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрѣнію. Въ настоящее время этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ стремленій. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. Къ какимъ бы требованіямъ не привело это недовольство, мы должны ихъ удовлетворить. Если онъ захочетъ совершенно отдѣлиться отъ насъ, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ, да и самъ онъ врядъ ли въ состояніи рѣшить это при своей теперешней давленности. Но судя по тѣмъ страданіямъ, которыя онъ переноситъ отъ нашего деспотизма, нужно ожидать, что при первой возможности осознать свое положенье, онъ захочетъ уйти отъ насъ. Будемъ готовы и къ такому рѣшенію. Мы, великороссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, нося въ себѣ всѣ элементы національнаго могущества“. („Колоколь“ 15 окт. 1861 г.).

**) Мы привѣтствовали эту статью въ письмѣ нашемъ къ редакціи „Социальдемократа“, напечатанномъ вмѣстѣ съ нашей статьей „Украина и война“ въ № 38 органа Ц. К. Р. С. Д. Р. П.

***) Вспомнимъ хотя бы выступленіе большевика В. Базарова въ „Лѣтописи“ противъ національнаго самоопредѣленія и освободительныхъ стремленій угнетенныхъ наро-

довъ. Рѣдко когда приходилось намъ читать болѣе лице-
мѣрныя и иезуитскія статьи, чѣмъ статьи этого великорус-
скаго публициста, который свой грязный великорусскій на-
ціонализмъ проводитъ подъ флагомъ космополитизма и „че-
ловѣчества“. И все же своихъ симпатій къ имперіализму и
антипатій къ угнетеннымъ народамъ, особенно къ украинско-
му, онъ не скрываетъ. „Какъ бы тамъ ни было, уже теперь
достаточно выяснилось, что оба вида націонализма, несмо-
тря на ихъ кажущееся противорѣчіе, — говоритъ онъ, —
одушевлены однимъ и тѣмъ же стремленіемъ. Имперіализмъ
— идеологія господствующихъ, — послѣдовательнѣе, глуб-
же и содержательнѣе. Национальдемократизмъ — (извѣстнаго
теоретика по національному вопросу, с.-д. Бауэра онъ назы-
ваетъ національдемократомъ, значить, подъ „національдемо-
кратизмомъ“ понимаетъ онъ также и социализмъ у угнетен-
ныхъ народовъ) — идеологія низшихъ и среднихъ слоевъ —
поверхностный, идейно бѣденъ, полонъ живныхъ и смѣш-
ныхъ противорѣчій. Имперіализмъ — это эзотерическая вѣра
жреца; національдемократизмъ — простатское идолопоклон-
ство пастуха“ („О національномъ вопросѣ“, Лѣтопись 1916
XI с. 222). Отношеніе этого публициста къ украинскому во-
просу характеризуетъ нескрываемое имъ его недовольство по
поводу того, что въ спорѣ изъ-за украинскаго языка, завязав-
шемся въ великорусской прессѣ въ связи съ завоеваніемъ Га-
личины, великорусскіе демократы встали на защиту самосто-
тельности языка и національныхъ правъ украинцевъ. „Пусть
такъ! — пишетъ обиженно великорусскій шовинистъ. Пусть
для всякаго демократа ясно, что украинская рѣчь есть во-
истину языкъ, а не мѣстный говоръ польскаго или рус-
скаго языка“ (Тамъ же). Читатель видитъ, что для Базарова
украинскій языкъ былъ даже не діалектомъ великорусскаго,
а его „говоромъ“ — „Ну, а какъ же намъ быть съ другими
угнетенными народами Россіи? — спрашиваетъ онъ сейчасъ
же послѣ этихъ словъ — народами, чей языкъ стоитъ гораздо
дальше отъ великорусскаго, чѣмъ украинскій. Дать и имъ
національныя права? Что же? И они имѣютъ право на са-
моопредѣленіе?“ — Читая статьи г. Базарова въ „Лѣтописи“,
невольно вспоминаешь антиукраинскія выступленія боль-
шевика Лебедева — Грамматикова въ 1908 г. въ львовской
москвофильской газетѣ „Новая Жизнь“, на постъ факти-
ческаго редактора которой (позднѣе сотрудника) онъ былъ
приглашенъ друзьями извѣстнаго Дудыкевича. Къ чести его
нужно сказать, что онъ имѣлъ мужество, называть вещи соб-
ственными именами и не скрывалъ своей ненависти къ укра-

Конечно, мы не можемъ принять тѣхъ оговорокъ, которыя дѣлаеть Ленинъ въ пользу великорусскаго централизма. Мы видимъ также нѣкоторыя противорѣчія во взглядахъ его на такъ наз. „національное самоопредѣленіе“. Но обо всемъ этомъ не мѣсто здѣсь говорить.

Какъ бы тамъ ни было, горькій опытъ заставляетъ насъ и по отношенію къ Ленину и его теченію занять выжидательную позицію, тѣмъ болѣе, что дискусія начатая по національному вопросу еще не закончена и можетъ дать украинскимъ социалистамъ нѣкоторыя указанія для ихъ будущей тактики. Да и весь опытъ второго интернаціонала заставляетъ насъ вѣрить больше въ дѣла, чѣмъ слова.*) Будемъ ждать этихъ дѣлъ. Только

инству. Само собой разумѣется, что, выступая тогда противъ него въ „Земль и Воля“, централн. орг. У. С. Д. П. Австріи, мы писали, что имѣемъ дѣло съ россійскимъ черносотенцемъ, а не социальдемократомъ, за поступки котораго не отвѣтственна россійская с.-д партія. Такъ же писалось о немъ въ львовскомъ социальдемократическомъ „Glos'ъ“. Но каково же было наше удивленье, когда въ отвѣтъ на запросъ по этому поводу, посланный нами одному видному члену рос. Ц. К., было получено подтвержденье, что Лебедевъ — членъ Р. С. Д. Р. П. Мало того. Онъ продолжалъ имъ оставаться и далѣе, а объ черносотенныхъ выступленіяхъ его въ москвофильской „Новой Жизни“ нелегальная рос. с.-д. пресса не обмолвилась ни словомъ. Относительно В. Базарова справки излишни. Онъ выступаетъ въ „Лѣтописи“ въ почетномъ обществѣ публицистовъ различныхъ теченій рос. с.-д. А женеvскій „Впередъ“, открывшій настоящій крестовый походъ противъ Ленина, въ № 6 ссылается на этого великорусскаго шовиниста, какъ на авторитетъ. Sapienti sat!

*) Поведеніе великорусскихъ с.-д. на I-ой циммервальдской конференціи также не можетъ насъ воодушевлять. Въ ея резолюціи, выражающей сочувствіе пострадавшимъ въ этой войнѣ народамъ, — полякамъ, евреямъ, бельгійцамъ и армянамъ, объ украинцахъ не упоминается. Гдѣ же

они могутъ разсѣять справедливое недоверіе социалистовъ угнетенныхъ народностей къ социалистамъ господствующихъ народовъ вообще, а украинскихъ къ великорусскимъ въ частности.

На этомъ мы можемъ закончить нашъ общій обзоръ позиціи великорусскаго общества въ украинскомъ вопросѣ. Выводы, которые можно сдѣлать на основѣ холоднаго анализа его отношенія къ украинцамъ мало утѣшительны. Но во всякомъ случаѣ хочется вѣрить что украинскія освободительныя стремленія найдутъ въ лѣвомъ крылѣ великорусской демократіи надлежащее пониманіе и поддержку.

5. Вліяніе російской государственности на украинскую національную мысль.

Народность не является чѣмъ то постояннымъ, статичнымъ, характеръ ея динамическій. Она подвержена флюктуации, постояннымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ ежедневныхъ, объективныхъ, историческихъ условій жизни народа. Такимъ образомъ съ объективными условіями бытія народа связанъ и характеръ народности. Иными словами: народность можетъ развиваться нормально, полно и безъ по-

были тогда великорусскіе с-д., игравшіе на этой конференціи не послѣднюю роль? Мы обратились за разъясненіями по этому поводу къ одному изъ членовъ Ц. К. и получили въ отвѣтъ, что объ украинцахъ на конференціи „просто забыли“. Забывчивъ сть не только характерная, но и выгодная! Къ польскимъ социалистамъ, принимавшимъ въ ней участіе, нельзя предъявлять никакихъ претензій. Въ своей деклараціи, въ которой протестуется между прочимъ противъ нарушенія австрійскимъ правительствомъ автономіи Галичины, они стоятъ на точкѣ зрѣнія этой автономіи, т. е. гегемоніи польской шляхты и буржуазіи надъ 3¹/₂ мил. укр. народомъ. См. „Возрожденіе интернаціонала и борьба за миръ“ Изд. О. К. Р. С. Д. Р. П. 1915 ст. 12.

стороннихъ препятствій лишь у народовъ государственныхъ; у народовъ же негосударственныхъ, порабощенныхъ, развитіе и измѣненія въ народности обуславливаютъ чужая государственность, т. е. неволя. Какъ мы старались уже показать, россійская государственность задержала на нѣсколько столѣтій развитіе украинской народности. Въ этой части нашей статьи мы хотимъ показать читателю, какъ отразилось вліяніе россійской государственности и дѣйствительности на украинскомъ образованномъ обществѣ, которое было и есть еще теперь главнымъ носителемъ украинской народности; какъ вліяла она на національную мысль главныхъ представителей этого общества въ XIX и XX ст.; и какъ видоизмѣняла она ихъ взгляды на украинскую народность. Конечно, все это можно обрисовать лишь въ общихъ чертахъ.

Послѣ неудачной попытки Капниста, послѣдняго представителя активныхъ защитниковъ самостоятельности Украйны, делегированнаго его земляками, „доведенными до отчаянія тиранніей русскаго правительства“ въ Берлинъ, чтобы тамъ, у прусскаго правительства найти поддержку на случай возстанія на Украйнѣ противъ „русскаго ига“, — украинское образованное общество, не видя нигдѣ реальной силы для отдѣленія Украйны отъ Россіи, примирилось окончательно съ россійской государственностью.

О Котляревскомъ, Гулакѣ, Гоголѣ-отцѣ, Квиткѣ, Стороженкѣ и другихъ творцахъ украинской національной литературы и представителяхъ этнографическаго украинства, можемъ только сказать, что это были убѣжденные монархисты и добрые россійскіе патріоты. Единственнымъ опредѣленнымъ свидѣтелемъ, — хотя бы для ученаго міра того времени, — единства украинской народности отъ сѣверной Венгрии и Сана до Кубани, были украинскія народныя пѣсни, которыя собирались и публиковались украин-

скими и неукраинскими этнографами (Максимовичъ, Лукашевичъ, Метлинскій и другіе).

Впервые въ 40 г. г. мин. ст. мы встрѣчаемся въ украинскихъ кружкахъ съ опредѣленными понятіями объ украинской народности. Здѣсь имѣемъ въ виду такъ наз. „Кирило-Меѳодіевское Братство“, виднѣйшими членами котораго нужно считать прежде всего Костомарова, а потомъ уже Кулиша и Шевченка. Костомаровъ и Кулишъ были европейски образованными людьми. Европейскій романтизмъ и литература возрожденія западныхъ славянъ, главнымъ образомъ чеховъ и словаковъ, съ одной стороны, и молодья національныя движенія въ Западной Европѣ (Молодая Германія, Молодая Италия и др.), съ другой, имѣли рѣшающее вліяніе на братчиковъ въ смыслѣ пониманія культурныхъ и политическихъ задачъ Украйны. Программа братства выставяла въ качествѣ политическаго идеала федерацію восточнаго славянства. Самостоятельнымъ членомъ этой республиканской федераціи, въ которой „каждый народъ составлялъ отдѣльную республику“ должна была быть и Украйна. Религіозное равноправіе, свобода мысли и слова, отмѣна сословныхъ ограниченій, крѣпостного права и всякаго рода угнетенія низшихъ классовъ — вотъ программа кружка.*) Украинская политическая мысль XIX ст. нашла въ ней свое наивысшее выраженье. Романтическое казакъ — и украинофильство и этнографическое украинство уступили мѣсто сознательному украинству. Несомнѣнно, формировалось міровозрѣніе братчиковъ подъ вліяніемъ Западной Европы. Косвенно это вліяніе сказалось глубже и сильнѣе всего на Шевченкѣ. Въ своей политической поэзіи (Сон, Кавказ, Заповіт

*) „Уставъ“ и „Правила“ кружка помѣщены въ журналѣ „Былое“ (февраль 1906).

и т. д.) онъ заговорилъ о правѣ украинскаго народа на политическую самостоятельность съ такою огненною силою, какъ никто ни до него ни послѣ него. Его „Кобзарь“ — это пропитанные кровью куски сердца поэта, брошенные въ пищу угнетенному народу рабовъ. Онъ не умретъ. Онъ будетъ вѣчно сѣять ненависть къ цѣпямъ. Несостоятельно мнѣнье Драгоманова, будто бы Шевченко „не имѣлъ въ ввиду создавать непремѣнно отдѣльную украинскую литературу“ *), такъ какъ онъ писалъ свои повѣсти и „Дневникъ“ по-великорусски. Этотъ фактъ до сихъ поръ недостаточно выясненъ. Между тѣмъ извѣстно, что Шевченко, когда ему давались совѣты итти по стопамъ Гоголя и писать по-великорусски, отвѣчалъ: „Теплый кожух, та не на мене шитий!“

Арестъ и ссылка братчиковъ (1847) имѣли на нихъ различное вліяніе. Самымъ роковымъ образомъ сказались они на Костомаровѣ (1847-1857). Возвратясь изъ ссылки, онъ не раздѣлялъ больше идей братства и никогда не вспоминалъ о нихъ. Такъ же радикально измѣнилъ онъ и свои взгляды на украинскую литературу. Самъ Драгомановъ говорить, что Костомаровъ подъ вліяніемъ западно-славянскихъ патриотовъ, чешскихъ и иллирскихъ, проникся мыслью о необходимости самостоятельной украинской литературы. **) Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сказать, что до ссылки далъ онъ украинской литературѣ не плохіе стихи и нѣсколько драмъ на украинскомъ языкѣ. Вернувшись изъ ссылки въ Петербургъ, Костомаровъ попалъ сразу въ среду великорусскаго образованнаго общества, принявшаго его очень тепло. Передъ нимъ открывалось широкое

*) М. Драгоманів. Листи на Наддніпрянську Україну. Відень, 1915, ст. 25.

**) Тамъ же, стр. 69.

поприще научной карьеры. Талантъ, жажда широкой аудиторіи потянули его. Правда и теперь не порвалъ онъ связей съ тогдашнимъ украинскимъ обществомъ, группировавшимся вокругъ журнала „Основа“ (1860-61) въ которомъ онъ принимаетъ живое участіе. Но во взглядахъ на украинство произошло въ немъ радикальная перемѣна. Всѣ литературныя попытки украинскіихъ писателей (особенно неутомимаго Кулиша) создать самостоятельную украинскую литературу считалъ онъ диллетантствомъ. Самъ пересталъ писать художественныя вещи по-украински. Позднѣе яростно нападалъ на Кулиша за его переводъ Шекспира и всяческія намѣренія приобщить къ украинской литературѣ западноевропейскіихъ классиковъ. Признавалъ право на существованье лишь за популярной украинской литературой, т. е. литературой „для домашняго обихода“. Въ этихъ новыхъ своихъ взглядахъ онъ сошелся съ московскими славянофилами (И. Аксаковъ, В. Ламанскій и др.) и совершенно разошелся съ энергичнымъ и талантливымъ Кулишемъ. Но объ этомъ ниже.

Это не значить, что Костомаровъ пересталъ считать украинскую народность самостоятельною, а украинскій языкъ призналъ діалектомъ великорусскаго. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуеетъ его статья „Украина“, помѣщенная анонимно въ герценовскомъ „Колоколѣ“ (1860, 15, I). Приведемъ здѣсь наиболѣе характерныя для взглядовъ автора выдержки изъ нея:

„Большинство великорусской и польской публики привыкла не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ — малороссіянъ нѣтъ, за исключеньемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, виѣстѣ съ сознаниемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источ-

нику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность малороссійская, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровью утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ мужичье? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоліи Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ — поляки, и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великороссы, или наслышавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края, — или же подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непрекаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свободолюбщими людьми обоихъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ, онѣ принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ“.

Кончаетъ авторъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи

Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, въ него же вѣруемъ и его чаемъ, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южно-русскимъ языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаниіи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ.

Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Несомнѣнно, въ основу этой нелегальной статьи Костомарова легли идеи Кирилло-Меѳодіевскаго братства, чѣмъ объясняется ея радикальность. Но въ ней опредѣленно проскальзываютъ уже и мысли, развитыя авторомъ позднѣе въ изслѣдованіи „Двѣ русскія народности“, открывавшія въ одинаковой мѣрѣ просторъ какъ для теоріи „общерусской“, такъ и для теоріи независимости украинцевъ.

Стараясь охватить сущность народности, Костомаровъ говоритъ: „Особенности внѣшней жизни создаютъ сумму признаковъ, которыми одна народность отличается отъ другой; въ этихъ особенностяхъ выступаетъ наружу то, что лежитъ въ самой глубинѣ народной души. Духовный складъ, развитіе чувства, характеръ ума, направленье воли, взгляды на общественную и духовную жизнь, все, что вырабатываетъ характеръ и привычки народа, все это является внутренними причинами народной обособленности“. Какъ видимъ, извѣстный историкъ смотритъ на народность, какъ на психологически этно-

графическую общность, совершенно въ сторонѣ оставляя языкъ, какъ главный и явный признакъ ея.

Вооружившись такимъ пониманьемъ народности, Костомаровъ ищетъ разницы между великороссами и украинцами въ ихъ характерѣ, природѣ, обычаяхъ, религиі, исторической жизни и т. д., и отправляясь въ глубь минувшаго, показываетъ, какъ создались эти двѣ народности.

Въ XI ст. установилось имя „Русь“ за всѣми славянскими племенами, заселявшими нынѣшнюю этнографическую территорію Украины. Эти племена создали одну народность. И Новгородъ, жители котораго говорили на томъ же языкѣ, что и на югѣ, входитъ въ эту народность. Лѣтопись отличаетъ отъ Руси кривичей, т. е. бѣлоруссовъ. Въ XII ст. въ Ростовско-Суздальской землѣ стали употреблять имя „Русь“ лишь въ примѣненіи къ вышеуказанной этнографической территоріи Украины, что дѣлали также и иностранцы. Родословная другой русской народности довольно таинственна. Извѣстно однако, что на землѣ нынѣшней Великороссіи (Московщины) въ Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской землѣ жили славяне (выходцы изъ Руси) и финны. Изъ ихъ смѣшенія образовалась новая народность, самостоятельная жизнь которой начинается съ 1157 г., когда княземъ Ростовско-Суздальской земли былъ выбранъ Андрей Юрьевичъ. Когда же изъ названныхъ земель образовалось московское государство, оно вскорѣ присвоило себѣ имя „Русь“. Тогда, говоритъ Костомаровъ, названье „Русь“ и на востокѣ и на сѣверѣ стало тѣмъ, чѣмъ издавна было лишь для одного русско-украинскаго народа. Тогда этотъ народъ (украинскій) словно потерялъ свое имя, какъ будто лишился его, „словно его украли у народа“. Костомаровъ утверждаетъ, что жители собственно Руси, т. е. нынѣшніе украинцы, почувствовали ненор-

мальность этого факта и для сохраненія своей обособленности отъ великорусской народности должны были искать для себя новаго народнаго имени. Въ XVII ст. этимъ именемъ были: Украина, Гетьманщина, Малороссія. Изъ этихъ названій—прибавимъ отъ себя—сохранилось до настоящаго времени лишь первое, какъ общенародное.

Читатель замѣтилъ, что украинецъ изъ этой исторической справки относительно происхожденія великорусской и украинской народности можетъ сдѣлать одинъ практическій выводъ: сохранять и развивать свою народность. Еслибъ Костомаровъ пришелъ къ этому практическому выводу, его теорія „двухъ русскихъ народностей“, не произвела бы столько опустошеній въ головахъ видныхъ представителей украинства, какъ это увидимъ дальше, не приносила бы она громаднаго вреда еще и теперь. Но Костомаровъ дѣлалъ иные логическіе выводы, въ чемъ, конечно, видно вліяніе російской дѣйствительности, которая иногда, даже наиболѣе энергичныхъ украинскихъ интеллигентовъ приводила или къ полному безвѣрью въ жизнеспособность украинскаго народа либо къ оппортунизму.

Такъ, въ этой работѣ, какъ и въ другихъ, онъ доказываетъ органическую необходимость союза обѣихъ „русскихъ народностей“, признавая огромное значеніе за государственными способностями великороссовъ. Онъ становится убѣжденнымъ „общеруссомъ“. Онъ рассуждаетъ такъ. Если украинская народность осталась достояніемъ исключительно народной массы, т. е. крестьянства, то для этой народности достаточно народной школы и популярной литературы („для домашняго обихода“); если интеллигенція и вообще высшіе слои этого народа русифицировались, то нѣтъ смысла создавать для нихъ литературы на украинскомъ языкѣ, которая будетъ

для нихъ чужою. Это объясняетъ намъ, почему К. совсѣмъ пересталъ писать по-украински. Не понималъ и не предвидѣлъ онъ, что жизнь пойдетъ противъ него, что явится непреодолимая потребность въ этой литературѣ, какъ только изъ украинской крестьянской массы выкристаллизуется интеллигенція. А вставъ на „общерусскую“ точку зрѣнія онъ сдѣлалъ изъ этой концепціи логическіе выводы въ политическомъ смыслѣ. Появляется позорный антиукраинскій указъ графа Валуева въ 1863 г., и Костомаровъ не только не выступаетъ съ протестомъ противъ него, а публично провозглашаетъ „анафему тому, кто подумаетъ объ отдѣленіи Украйны отъ Россіи*“). Такъ устрашающе подѣйствовала на него неудача польскаго возстанія. Это объясняетъ намъ, почему въ своихъ историческихъ трудахъ, касающихся казачества, онъ всей душой вставалъ на сторону „черни“ и Запорожья всякій разъ, когда они поддерживали московскаго царя противъ стремленій къ автономіи казацкой старшины; почему закрывалъ онъ глаза на московскую политику на Украйнѣ, почему Мазепа былъ для него дѣйствительно „проклятымъ Мазепою“, почему онъ не хотѣлъ какъ слѣдуетъ оцѣнить роста либерально-автономистскихъ идей и стремленій къ самостоятельности среди запорожцевъ, начиная съ 1667 г. до разгрома Сѣчи (наилучшимъ выразителемъ этихъ стремленій была конституція Украйны Костя Гордіенка 1710 г.**).

Послѣ всего выше сказаннаго намъ станетъ ясно, почему „костомаровщина“, которую можно понять только какъ искалѣченную украинскую идеологію

*) М. Драгомановъ: Историческая Польша и великорусская демократія. Paris, 1905 ст. 90.

**) М. Драгоманів: Чудацькі думки про укр. національну справу. Відень, 1915 ст. 31.

на фонѣ наступившей послѣ Валуевского указа эпохи затишья въ украинскомъ національномъ возрожденіи, почему она имѣла такое вредное вліяніе на украинскую національную мысль во второй половинѣ XIX ст. Жизнь пошла противъ Костомарова.

Перейдемъ теперь къ другимъ представителямъ украинской интеллигенціи второй половины XIX ст.

Возьмемъ Кулиша.

Кулишъ — товарищъ Шевченка и Костомарова, одна изъ наиболѣе значительныхъ фигуръ Украйны ихъ эпохи. Поэтъ, беллетристъ, литературный критикъ, историкъ, этнографъ, несравнимый переводчикъ (Шекспира, Байрона, Библии), мастеръ украинскаго слова, — онъ дѣйствительно принесъ неоцѣнимыя услуги украинской литературѣ. Онъ боролся со взглядами Костомарова на украинскую литературу и самъ, больше, чѣмъ кто-либо другой, усиленной работой показывалъ, что Украинцы должны развивать свою самостоятельную литературу. Съ опредѣленными идеями о самостоятельной украинской литературѣ выступилъ онъ въ „Основѣ“ и, противопоставляя ее великорусской, придумалъ для этой послѣдней терминъ „есманская словесность“ (Есманъ — рѣчка на восточной границѣ Черниговской губерніи, граничащей съ Великороссіей). Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, завязавшихъ постоянныя литературныя связи съ галицкой Украйной и посылавшихъ въ галицкія изданія различныя свои произведенія. Онъ до конца своей жизни не переставалъ писать по-украински, оставаясь вѣрнымъ своимъ взглядамъ на украинскую литературу. И все же историческіе взгляды Костомарова имѣли на него глубокое вліяніе.

И украинцевъ и великороссовъ считалъ онъ „руссами“, называя первыхъ „старо“, — а вторыхъ „новоруссами“. Несомнѣнно, что національная душа Кулиша была раздвоена. И понятное дѣло. Это раз-

двоемъ заставляло его то оплевывать все казачество и прошлое Украины (см. его „Исторію возсоединенія Малороссіи“) и становиться на общерусскую позицію, то на слѣдующій разъ обрушиваться со всей ненавистью противъ Москвы и доказывать необходимость соглашенія между польскимъ и украинскимъ народомъ противъ общаго врага „Москаля“ (см. его „Крешанка Русинам та Полякам“).

Возьмемъ представителя младшаго поколѣнія, В. Антоновича, извѣстнаго украинскаго историка и одного изъ виднѣйшихъ членовъ старой кievской „Громады“.

Антоновичъ находился подъ рѣшительнымъ вліяніемъ Костомарова. Его заслуги передъ украинской исторіографіей, какъ и заслуги Костомарова, огромны. Но напрасно искать въ нихъ яснаго пониманія украинской народности. Въ своемъ очеркѣ „Три національности“, помѣщенномъ въ львовской „Правдѣ“, по существу дѣла онъ не расходится съ Костомаровымъ. Онъ также ищетъ внутреннихъ (духовныхъ) признаковъ народности, опредѣляющихъ, по его мнѣнію, данный національный типъ и считаетъ ихъ постоянными. У украинцевъ такой постоянный признакъ, характеризующій ихъ полнѣе всего, какъ національный типъ, видитъ онъ въ ихъ демократизмѣ. Наоборотъ, языкъ въ качествѣ внѣшняго признака является для него величиной переменной. Эти мысли развиваетъ онъ въ своемъ украинскомъ историческомъ трудѣ „Виклади про козацькі часи на Вкраїні“ (1895), гдѣ онъ сравниваетъ украинцевъ съ ирландцами, которые, подъ вліяніемъ притѣсненій, потеряли свой языкъ, но не народность. Въ тискахъ страшнаго режима россійской государственности онъ доходилъ до крайняго оппортунизма. Въ 1899 г., когда на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ галицкимъ украинцамъ запрещено было читать научные доклады по-укра-

ински и когда въ „Кіевской Старинѣ“ ему пришлось отвѣчать на нападки проф. Флоринскаго (теперешняго кіевскаго цензора!) на украинскую литературу, онъ открыто заявилъ, что для Галиціи нужно развивать научный украинскій языкъ, а въ Россіи украинцы могутъ довольствоваться великорусскимъ.

Перейдемъ къ Драгоманову, къ одному изъ наиболѣе яркихъ представителей украинскаго возрожденія вообще. На немъ мы остановимся немного дольше.

Взгляды Драгоманова на народность и украинскій національный вопросъ, по сравненію съ таковыми же его предшественниковъ, означаютъ колоссальный шагъ впередъ. Они могутъ служить въ извѣстной мѣрѣ объективнымъ показателемъ развитія и роста украинства. Однако, не нужно думать, что онъ былъ совершенно свободенъ отъ ихъ духовнаго наслѣдства и что російская дѣйствительность не имѣла и на его міровоззрѣніе отрицательнаго вліянія. И Драгоманова можно понять лишь на фонѣ той обстановки, въ которой онъ выросъ, и той эпохи, въ которой ему пришлось дѣйствовать. Кромѣ того, разбирая его взгляды на украинскій національный вопросъ, нужно непремѣнно имѣть въ виду слѣдующее: онъ мыслилъ всегда реальными понятіями, будучи врагомъ абстрактныхъ формулъ, не связанныхъ съ реальной жизнью и обстановкой. Конечно, это имѣло и свои хорошія стороны: такой образъ мышленія заставлялъ его горячо браться за всѣ сферы общественной дѣятельности и не быть притомъ никогда во власти обстоятельствъ, какъ тяжелы бы они ни были. Съ другой стороны, нельзя забывать, что онъ, приспособляясь къ средѣ и внѣшнимъ условіямъ, легко впадалъ въ оппортунизмъ, часто непонятный и имѣвшій нерѣдко отрицательное вліяніе на молодое поколѣнне. Но у Драгоманова была одна хорошая осо-

бенность: онъ умѣлъ формулировать свои взгляды точно и сжато, умѣлъ дополнять ихъ, поправлять, измѣнять, согласно съ новыми пріобрѣтеніями науки и новыми фактами, приносимыми жизнью. Принимая все это во вниманье, мы поймемъ эволюцію его отъ трудовъ „Література російська, великоруська, українська й галицька“ („Правда“, 1873 г.), „По вопросу о малорусской литературѣ“ (1876), и „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“ („Вѣстникъ Европы“ 1872) до его „Чудацькихъ Думокъ“, „Листів на Наддніпрянську Україну“ (1893) и „Пропащий часъ“, работы, написанной передъ самою смертю, незаконченной и изданной пок. Павликомъ лишь послѣ его смерти.

Какъ же смотрѣлъ Драгомановъ на вопросъ объ украинской литературѣ?

Въ украинской работѣ тогда еще 30-лѣтняго Драгоманова „Література російська, великоруська і галицька“ бросается въ глаза прежде всего само дѣленіе литературъ. Конечно, авторъ хотѣлъ провести въ ней извѣстную мысль, на которую бы указывало уже само заглавіе. Онъ доказываетъ, что російская литература, несмотря на то, что написана по-великорусски, въ силу своего содержанія, то европейски-россійскаго (Тургеневъ), то украинскаго (Гоголь), не является исключительно великорусской; эта литература должна быть общею и для образованныхъ великоруссовъ и украинцевъ („литература общерусская“). Остальныя литературы (великорусская, украинская, галицкая), каждая въ свою очередь, должны удовлетворять спеціальныя духовныя интересы великорусскихъ и украинскихъ (въ Россіи и Галичинѣ) народныхъ массъ. Онѣ должны быть простонародныя. Это провинціальныя литературы. Терминъ этотъ употребляетъ авторъ особенно въ примѣненіи къ украинской и галицкой литературамъ. Читатель видитъ, что эта

литературная теорія Драгоманова является лишь исправленнымъ изданьемъ теоріи Костомарова. Это станетъ еще болѣе очевиднымъ, если я приведу нѣкоторыя выдержки изъ брошюры Драгоманова „По вопросу о малорусской литературѣ“, изданной въ 1876 г. Онѣ бросятъ извѣстный свѣтъ и на его политическіе взгляды того времени.

Полемизируя съ Милюковымъ, онъ пишетъ:

„Отрицательное отношеніе къ малорусской литературѣ есть результатъ не только незнанія прошедшаго и отсутствія анализа настоящаго, но и незнанія того, что дѣлается около и въ европейскомъ и даже ближайшемъ славянскомъ мірѣ. Г. Милюковъ напр. смѣло увѣряетъ, что стремленія, подобнаго литературнымъ малорусскимъ, нѣтъ нигдѣ въ Западной Европѣ. Со своей стороны, мы можемъ отослать Милюкова къ фактамъ, приведеннымъ въ статьяхъ Вѣстника Европы: Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи (1874 г. августъ),—и Новокельтское и Провансальское движеніе во Франціи (1875 августъ и сентябрь) и насчетъ болѣе новыхъ фактовъ, къ статьѣ о провансальской литературѣ двухъ послѣднихъ годовъ въ *Revue des deux Mondes* 1875, 15 Decembre, а насчетъ Германіи въ книжкѣ кильскаго профессора Клауса Грота *Über Mundarten und mundartige Dichtung* (Berlin 1873), къ многочисленнымъ книгамъ и статьямъ, посвященнымъ въ прошлые два года умершему ниже-нѣмецкому писателю Фрицу Рейтеру,—къ книгамъ въ родѣ недавно вышедшей въ Лейпцигѣ, *Die deutschen Mundarten im Liede*,—касательно Италіи къ статьѣ *The poetry of italian dialects* въ *Cornhill magazine* 1874, December. Оттуда можно увидѣть, что во всей Европѣ замѣчаются движенія совершенно аналогичныя съ проявленіями нашего украинофильства, хотя есть и свои отличія, между прочимъ и въ томъ, что европейская

публика не накидывается на эти движения, а относится къ нимъ уважительно, — и черезъ то не даетъ имъ остраго характера“¹⁾).

А въ другомъ мѣстѣ:

„Теорія, лежащая въ основѣ нашего украинофильства, даетъ твердыя національныя и соціальныя основы для возрожденія и поднятія тамошней русской народности и народа, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и теоріей панмалоруссизма, т. е. объединенія всѣхъ малоруссовъ, раздѣленныхъ въ Россіи, въ Ц. Польскомъ, въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, въ Венгрии, — украинофильство есть проводникъ и органическаго панруссизма, поскольку наша Малороссія—Украина органически связана съ Великороссіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такого панславизма, который только и можетъ пользоваться симпатіей сознательныхъ представителей западнаго славянства, панславизма федеральнаго, не исключющаго необходимаго и достойнаго посредника“²⁾).

Намъ кажется, что комментаріи къ выше приведеннымъ выпискамъ излишни. Можно лишь удивляться, что эти строки принадлежатъ перу Драгоманова. Такое же идейное убожество и болѣе или менѣе темный смыслъ имѣютъ почти всѣ его раннія работы ³⁾, помѣщавшіяся въ російскихъ журналахъ во время его пребыванія въ Россіи, а главное, вышеупомянутый нами большой трудъ „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“ (1872). Въ немъ говоритъ съ нами не только горячій російскій государственникъ, славянофилъ, но и російскій патріотъ въ худшемъ

*) 1) М. Драгомановъ. По вопросу о малорусской литературѣ. Вѣна, 1876, ст. 38. 2) Тамъ же, ст. 47. 3) Первые вмѣстѣ изданы онѣ въ 1908 г въ Москвѣ „Политическія сочиненія“. Подъ редакціей И. М. Гревса и Б. А. Кистяковскаго. Т. I Центръ и окраины.

значеніи слова! Правда, онъ выступаетъ тутъ противъ политики насильственной руссификаціи, но въ же время совѣтуетъ и россійскому правительству и россійскому обществу проводить „единство россійской имперіи“ иными путями. Достаточно въ доказательство сказаннаго привести мѣсто, касающееся Польши:

„Поэтому всякаго рода мѣры, — читаемъ тамъ— неоправдываемая самою настоятельною и очевидною государственную потребностью, а изобрѣтаемая въ кабинетахъ теоретическими послѣдователями своеобразно понятой идеи о единствѣ государства, — мѣры, имѣющія цѣлью сообщенье Польскому краю русской оболочки, не только дальше поверхности не идутъ, но возбуждаютъ въ образованномъ польскомъ обществѣ чувства діаметрально противоположныя государственному единству... Въ виду этого скажите же, выгодно ли для единства Россійской имперіи, если поляки привислянскіе будутъ тянуть нравственно къ Кракову?

... Такія фразы, какъ „создать новую породу людей“, „создать новый культурный слой“ — легко говорить, на дѣлѣ же новая порода органически связывается со старою. Грамотный польскій простолюдинъ станетъ читать всетаки польскія, а не русскія книжки, да мы и не можемъ сочинить особую русскую литературу для поляковъ; а польская литература, польскія книжки писались, пишутся и будутъ писаться тѣмъ существующимъ уже польскимъ культурнымъ слоемъ, который всего менѣе можетъ почувствовать уничтоженію польской національности. Поэтому намъ надо, чтобы въ этомъ слоѣ явилась завязь партіи, которая видѣла бы пользу въ союзѣ съ Россіей; къ этой только партіи и можетъ приставать поднимающійся изъ надѣленнаго нами землей культурный слой польскаго крестьянства и постепенно

создавать „новую породу польскихъ людей“, дружественныхъ Россіи “*).

Реакціонный смыслъ и реакціонная тенденція идей Драгоманова въ данномъ случаѣ на лицо. Прямо стыдно становится, что изъ подъ пера его вышли подобныя слова. Съ полнымъ правомъ на эти ранинія произведенія его можетъ ссылаться Струве и другіе идеологи „единой недѣлимой Россіи“. Воспитанье, среда, вся обстановка и російская дѣйствительность имѣли роковое вліяніе на молодого Драгоманова. Съ этой точки зрѣнія, мы должны быть благодарны російскому правительству за то, что оно, лишая его кафедры въ кievскомъ университетѣ, заставило его покинуть Россію разъ навсегда. Оставаясь тамъ — что съ увѣренностью можно сказать, судя по первоначальному его идейному развитію — онъ сталъ бы другимъ Костомаровымъ, лишь болѣе прогрессивнымъ. Теперь же російское правительство спасло его для украинской націи. Лишь непосредственно столкнувшись съ галицкой обстановкой и Европой, онъ пересталъ быть малороссомъ, сдѣлавшись украинцемъ и поборникомъ европейскаго прогресса и социализма на Украинѣ.

Что значило для Драгоманова переменить обстановку лучше всего видно изъ того, что съ момента, когда Драгомановъ въ качествѣ эмигранта поселился въ Женевѣ (1877), мы не находимъ нигдѣ въ его дальнѣйшихъ трудахъ мыслей подобныхъ вышеуказаннымъ. Кое какіе отголоски ихъ, то тутъ то тамъ, могли лишь говорить о томъ, какъ сильно сидѣла Россія на днѣ его души. Въ 80-хъ и 90-хъ гг. это послужило причиною недоразумѣній и острыхъ споровъ между нимъ и тѣми російскими (и галицкими) украинцами, которыхъ варварскія антиукраин-

*) М. Драгомановъ: Пол. соч. т. I ст. 58, 59.

скія преслѣдованія російскаго правительства и отрицательное отношеніе великорусскаго общества постепенно, но систематически излѣчивали отъ общерусской заразы. Мы имѣемъ въ виду тотъ формальный украинскій націонализмъ, который представлялъ въ 80 гг. Конисскій, а потомъ молодой, талантливый и энергичный Гринченко (Вартовый).

Гринченку принадлежать слѣдующія слова, направленные противъ Драгоманова, которого онъ упрекалъ въ москвофильствѣ. „Каждый, кто заноситъ хоть крупицу ассимиляціи въ нашъ народъ (устнымъ словомъ или книжкою) — дѣлаетъ ему вредъ, тотъ отрываетъ его отъ національной почвы“ (Листи з України наддніпрянської).

Драгомановъ отвѣчалъ (1893):

„Мы же, съ позволенія г. Вартоваго, вовсе не принадлежимъ ни къ какимъ филамъ, ни украино—ни славянофиламъ, мы — просто украинецъ съ общечеловѣческими тенденціями, или человѣкъ украинской націи (*homo nationis ucrainicae*), и къ тому же человѣкъ, которому судьба судила познакомиться не по книжкамъ только, а и въ жизни съ австрійскими земляками, сблизиться съ ними, подѣлиться съ ними радостью и горемъ (больше, конечно, горемъ) и наконецъ работой. По работѣ же за послѣдніе годы едва ли не больше мы стали галичаниномъ, чѣмъ російскимъ украинцемъ. Что же касается „симпатій“, то мы такіе же „сторонники Москвы“ какъ и Австріи.

Всѣ наши симпатіи къ Москвѣ, субъективно сводятся къ тому, что мы съ удовольствіемъ читаемъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и др. — а такихъ „москвофиловъ“ теперь не мало и среди французовъ, англичанъ и др. А объективно-политическая наша склонность къ Москвѣ выражается въ томъ, что мы не вида никакихъ серьезныхъ предпосылокъ для украинскаго государственнаго сепаратизма въ

Россіи, ждемъ выхода для украинскаго автономизма въ либерализмъ, общемъ съ образованными великоруссами, точно такъ же, какъ и членами другихъ народовъ Россіи.“*)

Какъ видимъ, разница между мыслями Драгоманова и приведенными выше, огромная. Трудно найти въ нихъ что-либо общее. Новые взгляды его на украинскую народность и украинское національное движеніе стануть для насъ болѣе ясными, если приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его трудовъ зрѣлаго возраста, наиболѣе характерныхъ для его міровоззрѣнія.

„Мы, пишетъ онъ, признаемъ національности какъ очевидный фактъ, какъ результатъ естественно-историческихъ условій жизни народной (хотя иногда еще неизслѣдованныхъ научно и всегда измѣнчивыхъ); мы признаемъ, что этотъ фактъ всегда нужно имѣть въ виду, при общественной работѣ, а кромѣ того мы признаемъ важность наочевиднѣйшаго признака, народнаго языка, какъ средства моральной связи между людьми. Мы признаемъ не только право живыхъ группъ людей, а въ томъ числѣ и національныхъ, на автономію, но и неизчислимыя выгоды, получаемыя людьми изъ такой автономіи. Мы лишь не можемъ искать для себя руководящихъ идей для общественной работы, культурной, политической и соціальной, въ чувствахъ и интересахъ національныхъ, такъ какъ иначе мы бы заблудились во всякихъ субъективностяхъ, въ лѣсу историческихъ традицій и т. д. Мы ищемъ такихъ руководящихъ и контролирующихъ идей въ научныхъ выводахъ и интересахъ интернаціональныхъ общечеловѣческихъ. Поэтому, говоря кратко, мы отбрасываемъ не національность, а націонализмъ,

*) М. Драгоманів. Листи на наддїпрянську Україну. Відень, 1915 ст. 82.

а особенно такой, который самъ себя опредѣленно противопоставляетъ челоуѣчеству или космополитизму; мы не признаемъ навязанныхъ мыслей и чувствъ, выдаваемыхъ за національныя, никакихъ обязательныхъ исторически-национальныхъ святынь, а особенно ненависти къ другимъ национальностямъ. Г. Вартовый клеймитъ между прочимъ украинскихъ радикаловъ за то, что они забываютъ мои собственные слова, будто бы высказанныхъ въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ сочиненій* и признаваемые галицкими радикалами, а именно, что „развитіе массъ народа возможно лишь на національной почвѣ“. На самомъ дѣлѣ я высказывалъ подобную мысль всегда, начиная отъ своихъ первыхъ печатныхъ изслѣдованій по римской исторіи (1863), гдѣ я впервые столкнулся съ вопросомъ космополитизма и национализма, въ то время, когда, по выраженію римскаго поэта „полоненная Греція полонила врага побѣдителя“ своей культурой. Начиная съ этихъ изслѣдованій, я всякій разъ, когда было нужно, говорилъ одно: космополитизмъ въ идеяхъ и цѣляхъ, национальность въ условіяхъ и формахъ культурной работы. Я велъ полемику на протяженіи 30 лѣтъ противъ російскихъ псевдо-космополитовъ, которые не признавали украинской національности, и противъ украинскихъ националистовъ, которые, выступая противъ космополитизма, рвали единственную руководящую нить непрерывнаго челоуѣческаго прогресса и самую основу новѣйшаго возрожденія национальностей, и открывали себѣ путь для всякаго шовинизма, исключительности, реакціи*.) Такъ понималъ Драгомановъ народность вообще и украинскую въ частности.

*) *ibidem* ст 37—38.

А вотъ новыя мысли Драгоманова объ украинской литературѣ.

На упрекъ Гринченка, что онъ (Д-въ) съуживаетъ задачу украинской литературы, сведя эту послѣднюю къ литературѣ престоляродья, Драгомановъ отвѣчалъ:

„Мы теперъ не будемъ спорить съ г. Вартовымъ и согласимся съ нимъ, что наша литература должна развиваться и сверху внизъ, и снизу вверхъ. Но принявъ во вниманіе, что литература существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для литературы и, принявъ во вниманіе, что въ украинской литературѣ наиболѣе заинтересованъ тотъ простой народъ, который никакого иного языка, кромѣ украинскаго, не знаетъ и наконецъ, что этотъ языкъ нашего простого народа — основа и живой высшей литературы украинской, мы всетаки скажемъ, что главной работой нашихъ писателей должна быть выработка нашей литературы снизу вверхъ. Тутъ популярной литературѣ должно быть отведено просторное мѣсто.“*)

Въ другомъ мѣстѣ:

„Если національное сознаніе находится въ зависимости главнымъ образомъ отъ литературы, то мы должны прежде всего сами налегать на то, чтобы развивать у себя то и другое. Цензура для живой литературы не страшна, ибо цензура напр. не помѣшала всей грамотной Россіи выучить наизусть „Горе отъ ума“. А у насъ имѣется подъ бокомъ Галичина, гдѣ можно напечатать почти все, что цензура запретила въ Россіи.“**)

Мы сравнительно много мѣста отвели Драгоманову, но пришлось это сдѣлать во-первыхъ потому,

*) *ibidem* ст. 105.

***) Чудацьки Думки ст. 98.

что Драгомановъ, несомнѣнно одна изъ наиболѣе крупныхъ фигуръ украинскаго возрожденія, а вторыхъ, эволюція его идей можетъ служить въ извѣстной мѣрѣ объективнымъ показателемъ роста украинской національной идеи и развитія украинской народности вообще. Эта эволюція предстанетъ передъ нами въ настоящемъ свѣтѣ, если вспомнимъ, какъ эволюціонировало у него пониманіе политически-государственнаго идеала Украины.

Въ своей россійской работѣ „Вольный союзъ — Вільна спілка, опытъ украинской политическо-соціальной программы“ (Женева, 1884) онъ писалъ:

„Обращаясь въ частности къ украинскому населенію Россійскаго государства, мы должны сказать, что по нашему мнѣнію, сколько-нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ этого населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связано со свободой и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная, — но, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе ненужная для какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа.“*)

Такъ писалъ Драгомановъ въ 1884 г. А въ 1893 г. находимъ у него слѣдующія мысли:

„Вотъ и я, когда „нападалъ“ на украинскій сепаратизмъ, то лишь на разговоры о томъ, чтобы выдѣлить россійскую Украину въ отдѣльное отъ Россіи государство. Только, собственно говоря, я даже и на этотъ сепаратизмъ никогда не „нападалъ“

*) Собраніе полит. сочиненій М. П. Драгоманова. Paris, 1905. ст. 301.

принципіально, такъ какъ ничего не могу имѣть противъ него съ принципіальной точки зрѣнія.*)

Отъ такой постановки вопроса до полного признанія идеала самостоятельности Украины, иначе говоря до признанія отдѣленія Украины отъ Россіи, былъ одинъ шагъ. И этотъ шагъ Драгомановъ, какъ послѣдовательный демократъ и глубоко принципіальный мыслитель, къ тому же, не будучи ничѣмъ связанный съ Россіей въ силу своего социальнаго положенія, этотъ шагъ онъ сдѣлалъ. Онъ сдѣлалъ это въ своей послѣдней работѣ „Пропавшій часъ“, писанной имъ передъ самой смертью и потому не оконченной. Само заглавіе говоритъ объ основной идеѣ работы. „Пропавшимъ временемъ“ Драгомановъ считалъ все время общей жизни Украины съ Россіей. 250 лѣтъ этого сожительства прошли для Украины безъ всякой пользы. Украина отдавала сначала Москвѣ, а потомъ Россіи, все, а получала отъ нея лишь побои московскаго кулака и кнута, задержавшія на цѣлыя столѣтія развитіе Украины. Въ этомъ своемъ сочиненіи Драгомановъ является сторонникомъ государственно-политической самостоятельности украинскаго народа.

Переходя къ слѣдующимъ представителямъ украинской интеллигенціи послѣднихъ десятилѣтій, нельзя не отмѣтить нѣкоторыя, довольно важныя явленія въ развитіи украинства.

Въ то время, когда Драгомановъ работалъ за границей (80 г.), подъ его непосредственнымъ вліяніемъ была только австрійская Украина. На російской же Украинѣ, куда доступъ идей Драгоманова былъ чрезвычайно затрудненъ, развитіе украинства въ 80 и 90 г. минувшаго столѣтія шло своими путями. Сознательное украинство замкнулось

*) Листи на наддн. Україну, ст. 42.

въ рамки чисто-культурной работы. Это аполитическое, культурническое украинство господствует на Украинѣ до конца 90 г., т. е. момента зарождения первыхъ украинскихъ политическихъ организацій. Выросло оно подъ влияніемъ тяжелой реакціи и страшныхъ гоненій на украинство. Достаточно было подозрѣніе въ такъ называемомъ „украинофильствѣ“, которое отождествлялось съ „сепаратизмомъ“, чтобы заподозрѣнный былъ высланъ въ восточныя губерніи Россіи или Сибирь. Во избѣжаніе преслѣдованій и высылки, культурники проповѣдывали, что украинство вообще не имѣетъ никакихъ политическихъ цѣлей. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ росла ненависть ко всему московскому.

Украинское культурничество нашло свою антитезу въ работѣ тѣхъ украинцевъ, которые, порвавъ съ національной средой, отдавали весь свой трудъ и всю энергію общероссійскому освободительному движенію. Ихъ лозунгомъ была „борьба съ общимъ врагомъ“, и всѣ національныя требованія откладывались „на другой день послѣ побѣды надъ нимъ.“ Пренебрегали они національными требованіями еще и потому, что не видѣли никакой реальной поддержки ихъ со стороны массъ. Такъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей „Народной Воли“, украинецъ Желябовъ, на упреки со стороны украинцевъ, обществомъ которыхъ, по свидѣтельству Драгоманова онъ очень дорожилъ, отвѣчалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 1880 г.:

„Насъ убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмъ... за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидационная комиссія, а во-вторыхъ можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки и есть изступленные враги? Гдѣ наши

фені, Парнель? Такого положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранія.“*)

Драгомановъ одинаково рѣзко выступилъ и противъ исключительныхъ культурниковъ и противъ исключительныхъ политиковъ. Выступая противъ первыхъ, онъ доказывалъ, что чистое культурничество можетъ завести въ дебри ретроградства и что культуру отъ политики, точно также и обратно, отдѣлить нельзя. Выступая противъ другихъ, онъ доказывалъ, что пренебреженіе ими конкретныхъ національныхъ условий, отняло у нихъ почву для одной изъ лучшихъ сторонъ ихъ дѣятельности, а замалчиваніе ими въ частности украинскихъ стремленій имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что ихъ имена и ихъ жертвы используются въ интересахъ своего рода „катковщины въ бланкистскомъ и марксистскомъ плащѣ.“**)

А обращаясь къ Желябову и его друзьямъ онъ писалъ :

„Гдѣ украинскіе фені, Парнель? спрашиваетъ Желябовъ, — и очевидно хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованіе такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперяшняго російскаго государства. Интересно, что это скептическое ожи-

*) Драгомановъ, Истор. Польша и великорус. демократія. Paris ст. 213.

**) Письмо Н. И. Костомарова къ издателю „Колокола“ съ предисловіемъ М. Драгоманова. 1885 ст. 7—8.

даніе отъ Украйны феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появятся на ихъ родинѣ homo-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украйнѣ напримѣръ обрусѣлая „интеллигенція“, даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстнаго-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ, или, при всей благосклонности къ нему не идетъ далѣе полускептическаго ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, социализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто-нибудь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ, массою, сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!., *)

Подобное отношеніе Драгоманова къ украинскимъ культурникамъ и политикамъ было вполнѣ правильнымъ, что показала сама жизнь и дальнѣйшее развитіе украинскаго движенія. Оно нашло надлежащій отзвукъ. И „культурничество“ и „политицизмъ“ были лишь *tempora passati*. Теперь это можно оцѣнить наилучшимъ образомъ. Съ 1900 г. украинское движеніе принимаетъ политическую окраску, а съ 1905 г. становится массовымъ. Въ россійскомъ социалистическомъ движеніи работаютъ еще отдѣльныя украинскія единицы, которыми иногда рос. с. д.

*) Драгомановъ. Ист. Польна, ст. 214.

пользуются какъ слѣпымъ орудіемъ противъ украинскаго національнаго движенія, но они не играютъ въ немъ почти никакой роли и осуждены на забвеніе какъ со стороны великороссовъ, такъ особенно самихъ украинцевъ. Насколько былъ правъ Драгомановъ, выступая противъ Желябова и его товарищей за ихъ отчужденіе отъ національной почвы, подтверждаетъ одинъ изъ тѣхъ друзей Желябова, къ которымъ обращался Драгомановъ съ выше приведенными словами, одинъ изъ видныхъ украинскихъ дѣятелей въ общероссійскомъ освободительномъ движеніи 80-хъ гг., В. Дебогорій-Мокріевичъ.

Мы вѣрили — съ чувствомъ глубокаго разочарованія и жгучаго сожалѣнія говоритъ онъ теперь — что когда нибудь изъ нашей работы будетъ польза для Украйны, мы вѣрили россійскимъ соціалистамъ, а теперь, можетъ быть лучше, что вы (т. е. украинскіе соціалисты) имъ не вѣрите.*)

Въ послѣдней стадіи своего развитія украинство обнаруживаетъ колоссальный прогрессъ и размахъ. Новое поколѣніе вноситъ много новаго въ понятіе украинской народности. Еще одинъ огромный шагъ впередъ въ сравненіи съ взглядами, какіе представлялъ Драгомановъ!

Наиболѣе выдающимся представителемъ этого поколѣнія нужно считать проф. М. Грушевскаго.

Неоцѣнимы его заслуги передъ украинствомъ. Являясь однимъ изъ болѣе выдающихся современныхъ историковъ славянства вообще, онъ въ то же время творецъ украинской національной исторіографіи. Всѣ свои научно-историческіе труды пишетъ онъ почти исключительно по-украински. А его русскія работы, такія какъ извѣстный „Очеркъ исторіи

*) Др. Лев Ганкевич: Володимир Дебогорій-Мокріевич. Вістник С. В. У. 1916. Стр. 102.

украинского народа“, имѣютъ цѣлью не только информировать російскаго читателя про дѣйствительную исторію украинскаго народа, о которой средній великороссъ, воспитанный на Иловайскихъ,*) не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, но и вліять также на обрусѣлыхъ украинцевъ, порвавшихъ съ своимъ народомъ. Уже его схема исторіи Украины, которую онъ пространно и послѣдовательно развиваетъ въ своемъ огромномъ и до сихъ поръ еще незаконченномъ трудѣ „Исторія України-Руси“ (до настоящаго времени вышло 8 томовъ), говоритъ о законченномъ и цѣльномъ пониманіи украинской народности. Начиная съ доисторическихъ временъ украинской территоріи и обзора ея колонизаціи славянами, онъ переходитъ къ исторіи Кіевскаго, а потомъ Галицко-Волынскаго государства, Литвы (какъ литовско-бѣлорусско-украинскаго государства), казачества вплоть до нынѣшняго періода. Конечно, въ извѣстномъ отношеніи Грушевскій въ своей схемѣ пошелъ за Костомаровымъ, который первый въ своихъ историческихъ трудахъ объ Украинѣ установилъ непрерывность историческихъ и политическихъ традицій между казацкою Україною и Кіев-

*) Великорусскіе историки, — отъ Соловьева и Иловайскаго до Рожкова, Покровскаго и Плеханова, — изображаютъ неправильно исторію не только украинскаго, но и великорусскаго народа. Ихъ схема исторіи начинается съ доисторическихъ временъ восточной Европы и славянской колонизаціи, переходитъ къ Кіевскому государству, останавливаясь на немъ до второй половины XII столѣтія, отсюда перескакиваетъ къ великому княжеству Владимірскому и Московскому, даетъ исторію московскаго государства и російской имперіи. Изъ исторіи украинскихъ и бѣлорусскихъ земель берутся иногда лишь отдѣльные эпизоды (государство Данилы, Литовское государство, церковная унія), обычно же она замалчивается. (См. М. Грушевскій: Звичайна схема „русской исторіи“, справа рационального укладу історії славянства).

скимъ государствомъ. Только, въ то время какъ у Костомарова новѣйшая исторія Украйны теряется въ исторіи Россіи и разсматривается какъ исторія украинскаго Прованса, у Грушевскаго эта исторія трактуется самостоятельно, какъ продолженіе исторіи самостоятельнаго народа, утратившаго, правда, свою государственно-политическую независимость, но обнаруживающаго тенденціи къ высшему своему развитію, какъ націи.

Вотъ его взглядъ на украинскую народность:

„Украинская народность существовала и существуетъ, не выдуманная, не созданная ни нами ни нашими предками. Ея зарожденіе выходитъ за всякіе историческія границы, восходя къ отдаленнымъ временамъ дифференціаціи славянства, а дальнѣйшій процессъ ея формировація былъ точно также дѣломъ не какихъ нибудь сознательныхъ факторовъ, а слѣпыхъ, стихійныхъ силъ — вліянія географическихъ, колонизаціонныхъ, экономическихъ и политическихъ условій въ ихъ разнородныхъ комбинаціяхъ и скрещеніяхъ. Разъ сложившись, сумма признаковъ, отличавшихъ украинскую народность отъ другихъ близкихъ народностей, имѣла тенденцію увеличиваться, становится все болѣе опредѣленной въ процессѣ расхожденія признаковъ этнографическихъ или національныхъ видовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ народность эта сознала свою національную способность, свою индивидуальность, — инстинктъ самосохраненія велѣлъ ей поддерживать эту индивидуальность, охранять ее отъ упадка и гибели, развивать ея внутреннее содержаніе. Этотъ инстинктъ самосохраненія теперь, когда эта народность выходитъ изъ состоянія летаргіи, въ которомъ держали ее запрещенія и репрессіи, велитъ намъ заботиться объ ея дальнѣйшемъ всестороннемъ развитіи, если мы не желаемъ осудить ее на разложеніе и смерть. И

однимъ изъ основныхъ требованій, наиболее естественно и логически вытекающихъ изъ стремленія къ развитію своей національной индивидуальности, является культура языка, какъ перваго признака народной обособленности и показателя культурной цѣнности народа.“*)

При сопоставленіи взглядовъ на украинскую народность Костомарова и Драгоманова взгляды Грушевскаго представляютъ собою несомнѣнный прогрессъ. По мѣрѣ того, какъ росло и развивалось украинское движеніе, росла и идея украинской народности. Но этотъ прогрессъ станетъ для насъ вполне очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе ту роль, какую сыграла Галичина въ развитіи украинской народности. Съ того момента (1894), какъ на украинскую кафедру исторіи восточнаго славянства при львовскомъ университетѣ былъ приглашенъ изъ Кіева М. Грушевскій, Галичина стала образцовою школою культурной работы для всей Украйны. То, что сдѣлалъ проф. Грушевскій въ качествѣ профессора львовскаго университета и предсѣдателя „Наукового Товариства ім. Шевченка“ во Львовѣ, стоящаго по своей научной дѣятельности выше не одной официальной академіи наукъ, — этого пока еще нельзя оцѣнить въ надлежащей степени. Достаточно сказать, что дѣятельность его и другихъ украинскихъ ученыхъ нашла широкое признаніе не только во всемъ украинскомъ обществѣ, но и вызвала всеобщее удивленіе среди чужихъ. А объ этой дѣятельности Грушевскаго нечего было бы и думать, если бы судьба не судила ему развернуть энергію и приложить всѣ свои силы тамъ, гдѣ Россія не могла помѣшати этой работѣ.

*) М. Грушевскій. Справа українськихъ кафедр і наші наукові потреби. Літературно-науковий Вістник, 1907, I—III.

Грушевскій великъ не только какъ научная сила, но и какъ общественный дѣятель. Неудивительно, что ненависть слѣпыхъ враговъ украинскаго народа среди великорусскаго общества обращается прежде всего противъ него. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку его политическаго міровоззрѣнія. Приходится все же отмѣтить, что остріе его публицистическаго пера, обращаясь въ австрійской Украинѣ со всей безпощадностью противъ австрійскаго правительства за его политику по отношенію къ украинцамъ и противъ польской гегемоніи, съ которыми онъ не зналъ компромисса, на Украинѣ россійской, направленное противъ россійскаго правительства, значительно притупляется; — на россійской почвѣ онъ оппортунистъ и, кромѣ того, россійскій государственный, хотя иногда, въ моментъ высокаго общественнаго подъема въ Россіи (время россійской революціи) онъ способенъ найти въ себѣ энергичный голосъ украинскаго государственника.

„Жизнь идетъ и развивается и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами, будутъ ли они сочинены бырократическими дипломатами или выдвигаемыми въ моменты народныхъ движеній. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорію и обладающей достаточными задатками и энергією развитія.

...Если разумѣть единство, какъ внутреннюю, присущую самому составу государства силу тяготѣнія и сцѣпленія, то такого единства россійская имперія вѣдь до сихъ поръ не имѣла: подневольное существованіе, охраняемое армією штыковъ и нагаекъ, — какое же это единство! Даже тамъ, гдѣ была нѣкогда, какая либо внутренняя связь,

внутреннее тяготѣніе, его разрушили до конца гнѣть и эксплуатація правящей бюрократіи. Тюрьма народовъ можетъ сохранить своихъ жильцовъ, лишь пока заперта и охраняется, въ ней нѣтъ добровольныхъ жителей.“*)

Политическій оппортунизмъ Грушевскаго по отношенію къ Россіи обнаружился яснѣ всего во время войны, когда онъ, загнанный въ Сибирь, поднимаетъ оттуда въ російской прессѣ свой голосъ въ защиту закабаленнаго народа. Въ моментъ, когда среди одной части украинскаго народа пышнѣе, чѣмъ когда либо, цвѣтетъ костомаровщина, его голосъ полонъ минорныхъ нотъ, онъ словно придавленъ. Ему въ эту историческую, полную трагизма минуту жизни украинскаго народа, не хватаетъ смѣлыхъ мужественныхъ звуковъ. Обстановка, режимъ, моментъ дѣлаютъ свое дѣло.

Грушевскимъ мы можемъ закончить нашъ обзоръ развитія украинской національной мысли на російской Украинѣ, поскольку это развитіе въ разные моменты украинскаго національнаго возрожденія отразилось на взглядахъ наиболѣе видныхъ представителей украинскаго образованнаго общества. Мы старались показать, какъ эволюционировала эта мысль въ условіяхъ російской государственности и дѣйствительности, какъ она падала всякій разъ, когда на украинскій народъ сыпались страшные удары репрессій, и поднималась, когда стихали въ Россіи политическіе морозы. Эти поиски украинской интеллигенціи утраченнаго своего національнаго „я“ носятъ въ себѣ столько трагичнаго, какъ трагична вся исторія украинскаго народа. Разумѣется, она не нашла еще потеряннаго сокровища и не такъ скоро найдетъ

*) М. Грушевскій. „Единство или распаденіе“, Украинскій вѣстникъ. СПБ. 1906 г. № 3.

его. Но чѣмъ ближе подходитъ она къ народу, къ его не проснувшимся еще массамъ, чѣмъ больше будетъ она связывать свои интересы съ интересами этихъ массъ, тѣмъ ближе моментъ, когда она станетъ обладательницей этого сокровища.

Для насъ же, украинскихъ социалистовъ, не можетъ быть безразличной судьба украинской народности. Мы связаны съ нею наиболее глубоко, тѣсно и крѣпко, ибо для насъ народность является первымъ и наиболее важнымъ двигателемъ социальной демократизаціи. Эти миллионы забитаго, темнаго и придушеннаго въ ярмѣ національнаго и классовою рабства нашего крестьянства и рабочаго класса, — а они для насъ и являются прежде всего народомъ, — хотимъ вывести на высочайшія вершины общественной организаціи. А это возможно лишь на почвѣ народности. Привести же наши народныя массы къ социализму — это не только наша национальная, но и интернациональная цѣль, гордость и обязанность.

6. Заключение.

Передъ нами прошла картина жизни украинскаго народа, связаннаго съ російскою государственностью, въ его прошломъ и настоящемъ. Будучи врагомъ всякихъ иллюзій, мы самымъ энергичнымъ образомъ выступаемъ противъ иллюзіи російской, которая, на ряду со всѣми другими, гнѣздящимися теперь въ головахъ украинскаго общества, является наиболее вредною и опасною. Поэтому мы говоримъ:

Смерть російской иллюзіи!

Но жизнь нашего народа, бьющагося въ своемъ безсиліи, какъ рыба о ледъ въ поискахъ выхода изъ своего положенія, породила въ немъ еще и другія иллюзіи, не менѣе вредныя, чѣмъ первая.

Съ того момента, когда часть украинскаго народа подпала подъ господство Австріи (1772), зародилась среди его интеллигенція и широкихъ массъ другая иллюзія: австрійская. Она развивалась прежде всего и главнымъ образомъ какъ реакція на то страшное положеніе, въ которое попалъ украинскій народъ въ Россіи. Она имѣла свое оправданіе въ томъ, что украинскій народъ имѣлъ все же въ Австріи — несмотря на всѣ притѣсненія центрального (австро-нѣмецкаго) и краевого (польскаго) правительства — возможность въ тяжелой борьбѣ за свои права обезпечить свое существованіе и развитъ свои національныя, культурныя и экономическія силы. Австрійская иллюзія была особенно сильна передъ войной и въ ея началѣ. Она стала цѣлою политическою платформою. Въ австрійскихъ полкахъ, которые должны были итти на россійскую Украину, австрійскіе украинцы видѣли спасителей своихъ братьевъ въ Россіи отъ ярма россійской неволи. Романтическая сила этой иллюзіи нашла себѣ наиболѣе чистое и наиболѣе идейное выраженіе въ образованіи украинскаго полка Сѣчевыхъ стрѣльцовъ, въ ряды котораго добровольно поспѣшилъ самый цвѣтъ народа — молодежь. Война похоронила и эту иллюзію. Тотъ самый Габсбургъ, который въ 1867 г. „предоставилъ полякамъ подомашнему рѣшить вопросъ, насколько украинцы могутъ существовать“ (слова австрійскаго президента министровъ Бейста); который въ 1897 г., когда послѣ кровавыхъ баденовскихъ выборовъ явилась къ нему украинская депутація съ жалобой на насилія польской шляхты, имѣлъ для нея лишь слова „Adieu, meine Herren!“; сейчасъ-же по объявленіи войны приказалъ вѣшать тысячи и тысячи невинныхъ украинцевъ за мнимую государственную измѣну въ пользу Россіи, а за нѣсколько дней до своей смерти, актомъ 5 ноября 1916 г., возвѣщающимъ отдѣленіе Галичины, распо-

рядился украинскимъ народомъ такъ, какъ во времена крѣпостного права распоряжался помѣщикъ со своимъ крѣпостнымъ. Этотъ жестъ стараго Габсбурга лишь обнаружилъ въ полной мѣрѣ распадъ старой Австріи, въ которой еще по нынѣ витаетъ духъ Меттерниха, въ которой нѣмецкая бюрократія въ союзѣ съ венгерскою олигархіею и польскою шляхтою всѣми силами стараются не выпустить изъ австрійской тюрьмы порабощенные ими народы: чеховъ, словинцевъ, итальянцевъ, украинцевъ, словаковъ, румынъ, сербохорватовъ.

Смерть же австрійской иллюзіи!

Третья иллюзія, польская, не пользовалась популярностью и была слабѣе всѣхъ. Почти за годъ до войны галицкій сеймъ принялъ компромиссную выборную реформу, обеспечивающую украинцамъ почти треть всѣхъ мандатовъ. Этому акту было придано значенье польско-украинскаго соглашения, хотя таковымъ онъ далеко не былъ. Однако нельзя ему отказать въ значительной долѣ важности. Онъ означалъ смягченье борьбы между двумя народами. А дальнѣйшее созиданье польско-украинскихъ отношеній на основѣ полной равноправности и равноцѣнности могло принести лишь хорошіе плоды. Но война уничтожила эти слабые зачатки лучшихъ отношеній и обнаружила во всей полнотѣ намѣренія поляковъ по отношенію къ украинскому народу. Еще въ первые дни звучалъ кличъ соглашения. Польскія газеты провозглашали старый повстаннический лозунгъ: „*Za naszą i waszą wolność!*“ Но какъ только пришли первыя вѣсти о страшномъ пораженіи австрійскихъ войскъ въ восточной Галичинѣ, польская пресса и общество рѣшили использовать моментъ, чтобы свести свои политическіе счета съ украинцами.

„*Gazeta Wieczorna*“, „*Slowo Polskie*“, „*Wiek Nowy*“, „*Kurjer Lwowski*“, а за ними почти вся буржуазная

польская пресса, внезапно, словно по заказу, бросила на украинцев подозрѣнье, обвиняя всѣхъ въ измѣнѣ въ пользу Россіи. Ни одинъ польскій голосъ не выступилъ противъ этого навѣта. Въ его легко повѣрили, такъ какъ среди членовъ такъ наз. „москофильско“ й партіи случились многочисленные примѣры измѣны Австріи, а съ другой стороны, — что психологически совершенно понятно, — австрійскому генеральному штабу для прикрытія своихъ неудачъ и обмана общественнаго мнѣнія необходимъ былъ козель отпушенія, которымъ при данныхъ обстоятельствахъ явились украинцы. Страшны были послѣдствія польскаго навѣта. Никто не могъ гарантировать себя отъ доносовъ и арестовъ. Производились настоящія облавы на невинныхъ людей. Вѣшали массами, главнымъ образомъ крестьянъ.*) Терроръ со стороны польскаго общества и полиціи былъ такъ великъ, что украинцамъ приходилось и между собою говорить по-польски. Украинскій языкъ считался языкомъ измѣны. Это была дѣйствительно страшная, кровавая трагедія: сынъ шелъ убивать своего брата, російскаго украинца, а отца.... вѣшали! Сколько рядовыхъ украинцевъ австрійской арміи и Сѣчевыхъ стрѣльцовъ оплакивали смерть своихъ отцовъ! Но эти ряды висѣлицъ въ Старомъ Самборѣ, Перемышлѣ, Надворной и многихъ, многихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ восточной Галичини, на которыхъ погибли жертвы польскаго навѣта, останутся на долгіе годы въ памяти поколѣній украинскаго народа и когда-нибудь, когда въ польскомъ обществѣ проснется совѣсть, оно увидитъ, какое страшное преступленье продиктовалъ ему геній зла Польши.

*) Чтобы читатель могъ имѣть только слабое представление о томъ, какъ Австрія „освобождала“ Украину у себя дома, укажемъ, что только въ одной тюрьмѣ въ Галергофѣ во время войны погибло болѣе чѣмъ 3.500 украинцевъ.

Но это еще не все. Война обнаружила еще и другую сторону зоологичнаго націонализма этихъ, въ чьихъ рукахъ сегодня бразды правленія польской политики. Странное дѣло! Народъ, свыше сотни лѣтъ терпѣвшій чужой наѣздъ и неволю, всѣми силами своей національной души рвавшійся къ свободѣ, въ моментъ міровой войны, еще не ставши свободнымъ, устами своихъ проводниковъ, безъ различія партій, провозглашаетъ реставрацію Польши въ историческихъ границахъ, т. е. независимую Великую Польшу, построенную на неволѣ украинцевъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ и т. д. А противъ акта отъ 5.XI. 1916, отдававшего 3¹/₂ милліона украинцевъ восточной Галичины въ распоряженіе поляковъ, изъ среды польскаго общества не поднялся не одинъ голосъ протеста. Въ ротъ воды набрали всѣ польскія социалистическія группы отъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ.

Поэтому и кличь:

Долой польскую иллюзію!

лишній, ибо война вбила въ нее осиноый клинь. Это не значитъ, что мы не хотимъ польскому народу той самой воли, за какую боремся мы для своего народа. Пусть на (этнографически) польскихъ земляхъ встанетъ свободная, независимая Польша, великая въ своей свободѣ и культурномъ развитіи!

Наконецъ послѣдняя иллюзія, которой до войны предавались украинскія рабочія массы, „интернаціональная“. Это была слѣпая вѣра во Второй Интернаціональ. Теперь обнаружилось, что этотъ Интернаціональ былъ въ дѣйствительности интернаціоналомъ социалистическихъ партій лишь государственныхъ народовъ, въ которомъ социалистическія партіи негосударственныхъ и угнетенныхъ народовъ не имѣли настоящаго голоса. Къ нимъ относились свисока. Мало того. Этотъ Интернаціональ былъ синдикатомъ наи-

болѣ вліятельныхъ адвокатовъ соціализма великодержавныхъ народовъ, построенномъ на лжи и лицемеріи. Соціалистамъ негосударственныхъ народовъ нечего ждать отъ него. И горе было тому, кто осмѣливался усумниться въ непогрѣшимости постановленій II Интернаціонала и его государственныхъ секцій. Такихъ людей просто отлучали отъ интернаціонализма и клеймили націоналистами.

Война обнаружила идейную пустоту и лицемеріе этого синдиката. Въ крови и грязи міровой войны погибъ II Интернаціональ. Остается лишь воскликнуть:

Конецъ „интернаціональной“ иллюзіи!

Это не значить однако, что мы не вѣримъ въ новый, настоящій Интернаціональ. Ибо мы убѣждены, что изъ огромнаго пожара міровой войны, изъ моря пролитой въ ней рабочей крови родится Третій Интернаціональ, созданный на крѣпкомъ фундаментѣ пролетарскихъ интересовъ каждаго народа въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, на рабочей правдѣ и морали. Но для этого новое соціалистическое движеніе должно освободиться отъ грязи II Интернаціонала. Лозунгъ— „освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ лишь самихъ рабочихъ“ долженъ стать его первѣйшимъ девизомъ. Интеллигентамъ, не связавшимъ своихъ интересовъ съ интересами рабочаго класса, нечего дѣлать въ обновленномъ соціалистическомъ движеніи.

Говоря о вредѣ всѣхъ этихъ иллюзіи, мы не можемъ обойти молчаньемъ не иллюзію, а порокъ, присущій украинцамъ и являющійся ихъ злѣйшимъ врагомъ. Вѣковая неволя наложила на народъ печать рабства. Ни одинъ украинецъ не свободенъ отъ него. Франко слѣдующимъ образомъ бичеваль его въ своемъ знаменитомъ „Прологъ“;

Вона горить! Та Троя—Україна
Палає, гине, з серця точить кров.
Здаєть ся, вже остання їй година,
Здаєть ся, хитрий ворог поборов
Усе! Здаєть ся, вся лягла дружина,
Всі мури впали, навіть той покров
Останній, що ним укривають трупи,
І той загарбали хижацькі купи!

Ні, не досить! І в нашому нутрі
Пройшов пожар, сумує попелище!
Ми хробачливі в самому ядрі,
В душі погасло вічнеє огнище
Живої віри! На страшнім кострі
Згоріла сила. Нижче, нижче, нижче
Схиляють ся колись так горді чола!
О, мамо, бідна ти, бездїтна й гола!

Ми всі такі! Що в інших ганьби знак,
Се ми приймаємо як хлїб насущний!
У інших ренегат—у нас добряк;
У інших підлий—в нас старшим послушний;
У інших скажуть просто, ясно так:
Безхарактерний,—в нас лиш: простодушний,
Не стало встиду в нас! Ми в супокою
Упідлимось, ще й горді підлотою.

Война обнажила этотъ страшный порокъ. Онъ оказался такимъ гнойнымъ, страшнымъ и общимъ, что говорить о немъ можно лишь съ чувствомъ острой физической боли. Желѣзомъ, раскаленнымъ добѣла, нужно бы выжигать слѣды неволи и рабства въ сердцахъ и мозгахъ украинцевъ. Но мы не сторонники идеалистическаго пониманія исторіи и знаемъ, что тѣмъ счастливымъ хирургомъ, которому удастся вылѣчить ихъ отъ этого порока, можетъ быть лишь сумма всѣхъ тѣхъ факторовъ, въ резуль-

татъ дѣйствія которыхъ украинскій народъ станетъ свободнымъ и независимымъ.

Указывая на эти факторы, мы касаемся наиболее глубокой загадки исторіи нашего народа и его будущаго. Мы любимъ сѣтовать на мачеху-исторію. Эти сѣтованія переходятъ иногда въ глубокой національный пессимизмъ, который во время войны граничилъ иногда съ безнадежностью. На страницахъ „Украинской Жизни“ намъ пришлось читать слѣдующія мысли: Исторія всегда права. Если и теперь она пойдетъ противъ насъ, это будетъ свидѣтельствомъ, что мы украинцы, не способны жить въ качествѣ народа.

Что можно возразить на эти разсужденія?

Сказать, что исторія всегда права, это значитъ подтвердить завершенье извѣстныхъ истерическихъ фактовъ. Задачей историка будетъ дать ключъ къ пониманію этихъ фактовъ и ихъ причинъ. Онъ не будетъ ни радоваться, ни негодовать, что случилось такъ, а не иначе. А политикъ? Для него исторія не имѣетъ нимальшаго значенія тогда, когда онъ стремится измѣнить данные историческія факты. Онъ создаетъ новую исторію. Ибо политика, это не что иное, какъ хотѣнье, сильное сознаниемъ и энергіей, это идеологія народа и его классовъ. Исторія была противъ украинскаго народа, это значитъ, что его общественныя силы, въ борьбѣ съ силами сосѣднихъ народовъ, оказались слабѣе и должны были уступить. Но общественныя силы не представляютъ собою чего-то постоянного, застывшаго. Онѣ непрерывно измѣняются. Конкретно: въ настоящее время украинскій народъ стонетъ въ ярмѣ неволѣ. Его оплевываютъ, его презираютъ, имъ пренебрегаютъ. Онъ не субъектъ исторіи, а ея объектъ. Это не значитъ, что такъ будетъ всегда. Политикъ, стремящійся къ измѣненію неблагоприятнаго положенія вещей, если

только оно не идетъ въ разрѣзъ съ тенденціями прогресса человѣчества, долженъ апеллировать къ тѣмъ слоямъ народа, которые являются активной силой, долженъ пробудить въ нихъ сознание своихъ интересовъ, вдохновить ихъ на борьбу за свободу. Онъ куется настоящее во имя лучшаго будущаго.

На всѣ-же сѣтованія украинцевъ на мачеху-исторію нельзя найти лучшаго отвѣта, чѣмъ слова великаго гения человѣчества Гете:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.*)

*) Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто долженъ въ ежедневной борьбѣ приобретать.

Оглавление.

	Стран.
Предисловіе	III—VII
1. Историческая борьба Москвы и Польши за обладанье Украиной	1—10
2. Украинская народность въ рамкахъ россійской государственности	10—35
3. «Завершенье дѣла» великаго князя Ивана Калиты	35—43
4. Великорусское общество и украинскій вопросъ	43—63
5. Вліяніе россійской государ- ственности на украинскую національную мысль	63—96
6. Заключение	96—104

Грошеве звідомленне.

Тов. Іван Гнида, редактор соц. видавництва «Новий Світ» в Монреалі, який на нашу просьбу заняв ся збіркою датків на виданне отсеї книжки, присилає нам під датою 8 марта 1917 р. слідуєче звідомленне:

1. Збірка на мітінгу відділу Укр. Соц. Партії під ч. 473 Clarke St. в грудні 1916 р.	5 дол. —
2. Збірка на новорічнім вечірку того самого відділу	10 дол. 15 ц.
3. Чистий дохід із аматорської вистави комедії «Зауляста корова», даної 20. I. 1917 Драматичним Кружком сього відділу . . .	15 » 55 »
4. Збірка на весіллі у дд. Осипчучів 21. I. 1917	7 » —
5. Збірка на мітінгу відділу Укр. Соц. Партії 4. II. 1917 під ч. 305 Domi- nique St.	8 » —
6. Збірка після вистави «Нахмарило» даної товариством ім М. Драгома- нова 10. II. 1917	5 » 60 »
7. Збірка на мітінгу тов. ім М. Дра- гоманова під ч. 772 Charlevoix 17. II. 17.	10 » —
8. Збірка при всяких інших нагодах	9 » 75 »
9. І. Гнида	10 » —
Разом	81 дол. 5 ц.
Трата на поштову пересилку	1
Вислано	80 дол. 5 ц.
Себто въ швайц. франках	412. 30

Повисшу суму зложили товариші і товаришки:

Драм. Кружок відділу У. С. П. під ч. 473 Clarke St.—15.55; Ів. Гнида—14.00; Гр. Мех—4.00; по 2.00—Д. Фодчук; С. Костирський; К. Павчук—1.35; по 1.00—М. Дергій, Т. Костащук, Т. Сенів, Н. Яворський, Ан. Бойчук, Д. Куріца, В. Луцик, Ів. Пиндус, Мигайчук, Т. Кричун, М. Ментанський, М. Мединський, Е. Осипчук, Я. Конітницький, І. Хорунжий, Ів. Микитюк, Ів. Гудима, В. Грозберг, М. Курка, І. Випрук В., Й. Колодрубський і І. Юзеньків; В. Кобітович—0.75; по 0.50—Т. Бойчук, Гр. Федорців, В. Романчук, Н. Мошук, Т. Бабій, Д. Волощук, Д. Дубецький, П. Шмиглик, П. Випрук, Г. Савчук, П. Голик, Я. Дригук, П. Волощук, Ю. Колодрубський, Ф. Керничний, М. Николаїшин, І. Випрук В., Н. Ковпак, Н. Циганчук, Г. Козуб і П. Осипчук; по 0.25—Н. Камад, М. Савчук, І. Костащук, К. Павчук, І. Костащук, Н. Тимко, М. Буртняк, Ів. Випрук, Н. М. Добух, Т. Шупак, Д. Гаврилець, Ів. Н. Випрук, Ів. Костащук, Ів. Польний, Ан. Лічкевич, Сл. Тхорик, Г. Колос, В. Микицол, М. Чипчар; П. Грох—0.15; по 0.10—М. Колцун, М. Бурій, Роза Яворська і Текля Куріца; не подали імен—2.10

Подаючи отсе звідомленє із збірок, товариш Гнида горячо завзиває українське робітництво вступати в сліди канадійських товаришів та при кожній нагоді збирати жертви на українську соціалістичну літературу.

Крім того зложила на виданнє сеї книжки тов. Ольга Макарова 26 фр.

Усім товаришам і товаришкам, а окремо тов. Гниді, складаю на сьому місці щирю подяку.

В. Л.

Сього-ж автора

вийшли окремо в українській мові:

Про загальне виборче право.

Вид. Ц. К. У. С. Д. П. Австрії (20.000 пр.),

Львів, 1905 6 сот.

Що таке соціалізм. Вид. «Червоний

Прапор». Львів, 1907 (доси 3 видання). 10 сот.

Селянство і соціалдемократія. Вид.

«Земля і Воля». Львів, 1908 1 кор. 40 сот.

Хто такі українські націоналдемократи і чого вони хочуть. Вид.

Ц. К. У. С. Д. П. Австрії. Львів, 1912 10 сот.

Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині.

Вид. «Дзвін». Київ, 1914. 80 коп.

Війна і соціалізм. Вид. «Робітника», органу Федерації Українських Соціалістів Сп. Держав Америки. Cleveland, 1915

Чи має віджити історична Польща?

Вид. «Народної Волі». Scranton, 1916 10 цт.

Причини світової війни. Вид.

«Народної Волі». Scranton, 1916 15 цт.

Відокремлене Галичини. Вид.

«Новий Світ». Montreal, Канада, 1917 12 цт.

Prix: 1 fr. 50.